

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР
ROCKETBOOK

Эл Ригби

18+

#ЗАВТРА НАС
ПОХОРОНЯТ

АВТОРСКАЯ РЕДАКЦИЯ

#ONLINE-бестселлер

Эл Ригби

**Завтра нас похоронят
(авторская редакция)**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ригби Э.

Завтра нас похоронят (авторская редакция) / Э. Ригби —
«Издательство АСТ», 2019 — (#ONLINE-бестселлер)

ISBN 978-5-17-114618-4

Было Рождество, ночь чудес. Но вместо доброго Санта-Клауса в маленькую страну в сердце Европы пришел Крампус с темными дарами. Здесь умерли все родители, а дети перестали взрослеть. Почему? Выжившие не нашли ответа и начали Охоту, из-за которой от них отвернулся мир. Испуганными детьми, заклеятыми в прессе «крысятами», верховодит Маленькая Разбойница. Озлобленный Комиссар перестал искать правду о случившемся. Трон Госпожи Президента — лишь руины. А великий Врач забыл свои клятвы. Но что-то скоро изменится. В мертвую столицу летит Шпион, и у него свои планы. А пока... здесь покоится время. Оно замерло навсегда.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114618-4

© Ригби Э., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть I	9
Комиссар	9
Маленькая разбойница	11
Инспектор	14
Маленькая разбойница	17
Комиссар	19
Маленькая разбойница	23
Инспектор	28
Маленькая разбойница	31
Комиссар	33
Маленькая разбойница	39
Инспектор	42
Комиссар	44
Маленькая разбойница	47
Инспектор	49
Комиссар	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эл Ригби

Завтра нас похоронят (авторская редакция)

Разрушить старый мир, на его костях построить новый – очень старая идея. Ни разу пока она не привела к желаемым результатам. То, что в старом мире вызывает желание беспощадно разрушить, легко приспособляется к процессу разрушения, к жестокости... становится необходимым в этом процессе и непременно сохраняется, становится хозяином в новом мире и в конечном счете убивает смелых разрушителей. Ворон ворону глаз не выклюет, жестокостью жестокость не уничтожить. Ирония и жалость, ребята. Ирония и жалость!

(А. и Б. Стругацкие. «Гадкие лебеди»)

Пролог

Я устала, как же я устала. Каждый день – бой с пустотой, где я осталась, изгнанием, откуда не вернусь, и стаей, которую не выбирала. Каждый день – выживание. Каждый день – вмерзшая в лед вечная смерть.

Я почти не вспоминаю, как все началось. Обломки памяти возвращаются лишь во сне, когда удастся поспать. Сегодня вернулись и наяву, просто так, хотя тот, кому я попала, даже пока меня не бил. Впрочем, у нас ночь впереди, а стены в Надзорном управлении толстые, глухие.

...Тогда заканчивалась ночь перед Рождеством, начиналось утро. Я спустилась в гостиную к елке, чтобы подсмотреть, съел ли Санта печенье, не забыл ли о моих подарках. Часы показывали 6:30. Я всегда вставала примерно в это время, а мама с папой – еще раньше. Им нравилось встречать рассвет, особенно зимний. В нашей семье любили зиму, да и во всей стране: горы и озера, городки и леса под снегом превращались в сверкающую сказку. Жаль, теперь «зима» значит то же, что «страх», а слово «сказка» забыто вовсе.

Хотя родители были «жаворонками», в каникулы мама разрешала мне – своему «совенку» – поспать подольше. Но тем утром я не могла оставаться в кровати: меня буквально выпихивало из-под пледа какое-то предчувствие – не плохое; его можно было назвать рождественским. Знаете, стук сердца, щекотка под коленками; ты вскакиваешь и бежишь по ступенькам вниз, громко топая и оповещая всех, что уже проснулась и ждешь чуда. Неважно, сколько тебе: шесть, четырнадцать, тридцать. Предчувствие, выросшее из книг и фильмов, в том или ином виде остается с тобой до конца. Но это в *нормальном* мире.

Внизу ждал подарок, каких я никогда не получала. Его вряд ли принес Санта, такое мог бы скорее подарить Крампус, его злая тень. Дары Крампуса обрушились тогда на каждую голову, повинную или нет.

В доме пахло индейкой, было светло от зажженных цветных гирлянд. Они мигали: красная лампочка, белая, зеленая, синяя. Мама лежала в кухне у стола, а отец – на улице, со снегоуборочной лопатой в руке, пальцы у него оковенели. Оба выглядели совсем обычно. Никто их не зарезал, не застрелил, не сбросил ядерную ракету. Они просто умерли. Мама была теплой из-за того, что отец успел натопить камин, чтобы я не замерзла. Он всегда топил по утрам.

Я звала их, тормошила, кричала. Потом я звонила в полицию и слушала длинные гудки. Наконец я сама побежала в участок, чтобы и там найти двух мертвецов – ночных дежурных. От кофе в их кружках шел пар; сами они тоже еще не остыли.

Да, был Сочельник. Самый конец ночи, когда умерли все родители нашего города, области, страны. С тех пор я ненавижу запах рождественской индейки и любой другой жареной птицы, ненавижу до спазмов, до рвоты. А еще с тех пор у меня нет дома. Семьи. Будущего и прошлого.

Чиновники, ученые, журналисты высказывали много догадок: эпидемия, нашествие инопланетян, облучение. Популярной была теория о происках вражеского режима – тогда ведь на всех уголках шептались о «красных», да и к Штатам относились настороженно. Работали быстро: уже на второй день все трупы вывезли, начали расследование. Правда, оно так ничего и не дало. Я даже не уверена, что оно завершилось. Кто-то же наверняка получает за него деньги.

Конечно, правительство пыталось как-то разобраться с *инцидентом*. Иначе поначалу не говорили, сказать было нечего, потому «инцидент», даже не «катастрофа». Чиновники осознали все довольно поздно, да и самих их уцелело немного: у большинства тоже были дети – дети, из-за которых они умерли, в ту же ночь. Да, хотя произошедшее называли «инцидент», хотя ничего не было понятно, одну вещь заметили почти сразу: внезапные смерти связаны с нами. *С детьми.*

Умерли мамы, папы, дедушки, бабушки и приемные родители. Умерли содержатели приютов. Умерли многие учителя в школах, тренеры в секциях, некоторые детские врачи. *Это* не докатилось только до окраин, откуда люди начали сбегать, увидев первые заметки в газетах. Многие успели уехать, потом правительство спохватилось и, пресекая панику, закрыло границу. Она закрыта до сих пор, потому что паника продолжается.

Ближе к столице в живых остались лишь взрослые, вообще не контактировавшие с детьми, и сами дети. Еще небольшое число одиноких стариков, совсем небольшое, в нашей-то благополучной стране. Все здесь хотели иметь семью, было почти не встретить дедушку или бабушку без внуков.

Закономерность проследили, но не сразу в нее поверили. В этом не было смысла: чем мы могли навредить взрослым? Нас наоборот жалели. Люди из правительства, бездетная Госпожа Президент – ее только-только выбрали – попытались сделать единственное, что было в их силах: пристроить нас в новые семьи. Это была целая программа.

«Поможем сиротам найти дом, сплотимся, нас осталось так мало!»

Многие поверили. Нас удочеряли, усыновляли. Все начало налаживаться, но спустя еще несколько месяцев умерли те, кто решил нас приютить. Моя новая мама тоже погибла. Она работала судьей и носила парик. Любила вязать, читала классиков Древней Греции в подлиннике. Больше я ничего про нее не помню. Ах да, кажется, у нас была кошка.

Мы перестали быть детьми. На страницах газет мы постепенно превратились в «неизвестную угрозу», в «инфицированных» и, наконец, в «отродья». Женщины стали прерывать беременности: кому хочется, чтобы тебя убило что-то, растущее в твоём животе? Мужчины уходили из семей. Никто ведь не будет жить с монстром.

В прошлые века люди во всех бедах винили колдовство и сжигали тех, кого в нем подозревали. Или вешали, топили, рубили головы. Потом люди поуменьли и занялись наукой; она стала им хорошим другом на долгое время. Но и теперь, стоит страстись необъяснимой беде, люди с радостью отворачиваются от нового друга Науки и призывают старых добрых друзей: Суеверия и Святую Инквизицию. Я вижу их большими ребятами в коже, с тяжелым оружием. Не просто так.

Выжившие ученые, конечно, выдирали наши волосы, брали кровь, загоняли нас под рентгены. Они искали болезни, мутацию или хоть что-то. Нашли кое-что необычное: у всех у нас был какой-то дефект в маленькой мозговой железе. Эта железа называется сложным словом на латыни; моя вторая мама, мама-судья, выговорила бы его с легкостью. У меня же оно все время выпадает из памяти. *Гипофиз*. Да, слово – гипофиз. Такой диагноз нам и поставили, «дефект гипофиза», вот только он ни о чем не говорил. Это ведь не заразно? Не должно убивать других? Не должно вообще ни на что влиять? Ученые оказались не правы. Кое на что дефект влиял, но это открылось позже.

А тогда, после около года исследований, подопытных распустили: взрослые уже старались меньше контактировать с нами. Они боялись, что мы все-таки разносим неизвестную, не выявляемую нынешней диагностикой заразу. Они решили, что *дефект* – просто «тревожный звоночек», единственный симптом, который ловят датчики и приборы. И от неизвестности: что затаилось в нашей крови, нашем дыхании, под нашей кожей – было особенно страшно.

Больше мы не шли жить в чужие дома. Мы ведь тоже умеем жалеть и, хотя мы не врачи, поняли, что большая часть взрослых тоже больна: злобой, ужасом. Так началась охота на ведьм. Нет, я ошибаюсь, Охота на детей, из-за которой наша страна уничтожает сама себя, дикая охота, из-за которой от нас отвернулся весь мир. Никому не нужен друг и союзник, готовый на «избиение младенцев». Так это зовут в Библии?

Охота длилась несколько лет. Мы приспособились жить по-новому. Нас выгоняли – мы селились в подвалах, на свалках, в лесах. Нас отстреливали – мы научились отнимать или

красть оружие и стрелять в ответ. Нам не продавали еду – мы маскировались под взрослых, чтобы ее купить, или воровали, такое случалось чаще.

Сейчас ужасы в прошлом. Нас оставили в покое, примирившись с нашим существованием, как примиряются с существованием, например, крыс. Кстати, так нас и зовут – «крысята», потому что один политик придумал «пометить» нас особым образом. Из-за него почти сразу после второй волны смертей нас начали отлавливать и клеймить. У каждого на правой руке, между большим и указательным пальцем, выжгли черное изображение крысы.

Есть у нас другое название – «не живые – не мертвые». Оно менее унизительно, но страшнее. Мы действительно словно не живые и не мертвецы. Мы не растем. Не взрослеем. Девочки бесплодны, наши месячные прекратились. Вот что сделал непонятный «дефект». Маленькая железа, как говорил доктор, обследовавший меня, отвечает за много разных вещей, за то, чтобы люди старели, – в том числе. Некоторые ребята наивно считают свою «вечную юность» бессмертием, я же думаю иначе: мы просто можем умереть в любой момент. Не поседев, не покрывшись морщинами, взять – и умереть. Страна будущих покойников, вот мы кто. Новых детей рожают мало, немногие рискуют жизнью, чтобы дать эту жизнь кому-то еще. Да, люди боятся, несмотря на то, что не было еще ни одной смерти из-за «*ниова*» – зачатых после того проклятого Рождества. А мы прячемся, всегда прячемся, будто нас нет. Некоторые взрослые оставляют нам еду или деньги возле убежищ. Они тоже опасаются к нам прикасаться, но поддерживают хотя бы так, по мере сил, которых у них теперь не больше, чем у нас.

Мое имя – Вэрди Варденга. Я не великая предводительница «крысиного» войска, не избранная революционерка и не та, кто знает, как положить окружающему нас аду конец. Я лишь дуреха, попавшаяся с краденым портмоне. И я стою перед главным комиссаром городского Надзорного управления Рихардом Ланном.

Часть I Гайки

Комиссар [Надзорное управление]

Ночь была погано дождливая и темная. Хотелось домой. Выпить стакан чего-нибудь, оставшегося от лучших времен, отключиться до утра, а по возвращении формально отписаться о том, почему задержанный «крысенок» избит до смерти. Это было бы несложно, существовала стандартная формулировка. «Попытка сопротивления» – кривая, но работающая, хотя большинство задержанных «крысят» давно не сопротивлялись. Рихард Ланн посмотрел на часы и скривился: конечно, желанию осуществиться не дано.

Вэрди Варденга застыла перед ним, обхватив правой ладонью левое запястье. Мокрые лохмотья, бывшие когда-то красной толстовкой и джинсами, липли к телу, с темных волос капало. Уголки губ подрагивали, то ли насмешливо, то ли нервно. На столе между Ланном и Маленькой разбойницей – иначе он ее про себя не называл – лежал кошелек.

– Снова за старое? – хрипло спросил Рихард. – Сколько я говорю тебе не соваться в мою часть города?

Девчонка кивнула, дерзко и одновременно устало улыбнулась. Ланн остановил взгляд на ее пальцах – бледных, с выраженными фалангами, но изящными кончиками. Господи, как она ему осточертела, как осточертели все *они* и весь этот треп. Мысль была спонтанно-острая, вроде вспышки молнии. Вскочив, Рихард рыкнул:

– Лыбишься? Да я тебя к чертовой матери закопаю, дрянь!

Но дешевая попытка устрашения не удалась. Вэрди подняла голову и провела языком по ярко-алым полным губам: нижняя слегка выступала, придавая лицу – даже сейчас – капризный и кокетливый вид. А голубые глаза смотрели холодно и надменно.

– Знаете, а я не против оказываться иногда тут. У вас тепло. И вы не станете бить меня, поскольку боитесь *заразы*. Может... вас потрогать?

И она дурашливо протянула руку, зашевелила в воздухе пальцами. Эти пальцы хотелось сломать, но Ланн стоял недвижно, навалившись ладонями на засыпанный пеплом стол. Его мутило, и он не сводил взгляда с решительного лица – лица девчонки, которая была четырнадцатилетней уже четырнадцать лет.

– Играешь со мной... Доиграешься, Вэрди.

Взгляд равнодушно скользнул по его шее, плечам, груди. Рихард чувствовал себя отвратно, будто девчонка водила по нему раскаленным прутом. Рука невольно поднялась для привычного защитного жеста – поправить собранные в хвост волосы, сильно поседевшие, хотя ему было всего сорок девять. Из них двадцать шесть на службе, а в течение последних он каждую пару месяцев ловил Вэрди Варденгу на кражах. Раз за разом он отпускал ее после одинаковых в своей бессмысленности диалогов. За такое воровство не было велено сажать, приказ сверху: в тюрьме взрослые заключенные, которые тоже могут *заразиться*. Дрянь прекрасно это знала, потому нарывалась.

Вэрди опустила руку и сделала шаг вперед. Ланн тут же сел обратно на стул и уперся локтями в поверхность стола. Она приблизилась еще немного.

– Вы выглядите таким усталым...

– Не дыши на меня.

И снова эта ее разбойничья ухмылка.

– Бросьте, я все же на самом деле не крыса, не болею чумой.

– Мне все равно, чем ты болеешь. Я этим болеть не хочу.

– Неужели так боитесь умереть? – Она приподняла брови и оглядела полупустой кабинет. – Вам есть за что держаться? Тут тухло.

– Найдется.

– Ну хорошо... – Вэрди зевнула с видом королевы, подписавшей помилование. – Я вас пощажу. Дадите кошелек? Все равно вам ведь не найти хозяина...

– Забирай, – устало отозвался он и через стол толкнул украденную вещь ей навстречу.

Девчонка снова протянула руку, склонила голову, волосы упали на лоб. Все-таки красивая... очень красивая, выросла бы в настоящую фройляйн, если бы выросла. Но не вырастет; пара лет – и где-нибудь сдохнет, «крысята» часто подымают от болезней или голода. А может, умрет просто так, ведь неизвестно, сколько отпущено этим странным нестареющим детям... Детям ли? Кто они теперь? Тронутые католики вовсе говорят: бесы.

Ланн спохватился, от подобных размышлений пасло жалостью, а ее он старался себе не позволять. Слишком сложно на его должности жалеть и ненавидеть одновременно. Лучше выбрать что-то одно, давно пора, когда наконец получится?

– Спасибо, – раздался вдруг тихий голос Вэрди. – Хоть стаю прокормлю. Мы будем хорошими. У нас еды нет... уже неделю. Ничего почти нет.

Быстро же сменила пластинку. Только что ерничала и дерзила, теперь говорит по-человечески, корчит из себя загнанную мать голодного семейства. Дурачится или правда оправдывается?..

– В ближайшие дни нас не увидите, – щедро пообещала Вэрди.

Рихард, не отвечая, тяжело глядел на нее и молился, чтобы ушла поскорее. Но она медлила. Взяла кошелек, постучала по столу короткими ноготками с облупленным лаком. Тихо, с горечью рассмеялась.

– Мне иногда жаль вас – взрослых.

Ей двадцать восемь. Или все-таки четырнадцать? Как считаются их годы, уже никогда не понять. Ланн мысленно взвыл, а вслух холодно ответил:

– Мне вас тоже. Пошла вон. Немедленно.

Вэрди некоторое время, казалось, сомневалась, но наконец поднесла ладонь к губам и подула на нее.

– Пока, комиссар.

Она вышла за дверь, но Ланн почему-то не сомневался: скоро они вновь увидятся.

Маленькая разбойница [Восточная железнодорожная колея]

Я шла обратно. Наш заброшенный поезд стоял рядом с лесополосой. С одной стороны путей было старое военное кладбище, с другой – озеро, поросшее по берегам соснами и елями. Взрослые давно оставили эти места. О временах, когда к озеру приезжали отдыхать семьями, напоминали проржавевшие остовы летних кафе, откуда мы растащили все, что годилось для жилья, и гнилые причалы, уходившие прямо в грязную илистую глубину.

Некоторые вагоны нашего «дома» были сильно покорежены и без стекол, но некоторые вполне подходили, чтобы в них ночевать. Здесь временами даже бывало уютно, а засыпая, можно было представлять, что ты куда-то едешь. Как в старые времена, когда родители возили путешествовать. К ласковому морю, через горный перевал Бреннер, шпиль которого похожи на сахарные головы.

Из первого вагона до меня сразу донеслись требовательные визгливые крики. Там было теплее всего, и там спали *живые овощи* – так мы называли детей, которым не было еще двух лет. Выброшенных на улицу, не успевших умереть и вовремя подобранных. За ними с самого начала ухаживала Маара – недоразвитая дылда с бельмом на левом глазу, внучка машиниста, который когда-то водил этот поезд. Вот и сейчас я сразу увидела ее массивную фигуру, отделившуюся от группки силуэтов у костра; видимо, ребята пекли картофелины, оставшиеся от наших скромных запасов и припрятанные от меня.

Маара боялась меня как огня и знала, что я не люблю крики, да и вообще против бесполезных младенцев. Поэтому я сделала вид, что не увидела ее, и замедлила шаг, позволив дылде скрыться в темноте.

– Эй! Вэрди!

Кто еще мог встретить меня первым, так помчаться навстречу? Конечно, светловолосый мальчишка в подранном джинсовом комбинезоне и с испачканным золой лицом. Алан.

– Как все? – спросил он, едва подлетев.

– Привет, Ал. – Я трянула кошельком. – Сегодня подвезло.

– Круто! – На секунду он просиял, но тут же нахмурился: – Ты велела докладывать, так вот... Карвен снова плохо из-за этих ее... штучек. Она отказалась есть и убежала.

Вот тебе и удачное возвращение. Я вздохнула, отстранила его с дороги и молча направила в хвост поезда. Меня начинало колотить, и вовсе не от озноба.

– Приходи потом. Я тебе картошки оставил! – крикнул Ал вдогонку.

Я ускорила шаг. Картошка сейчас волновала меня меньше всего, хотя минут пятнадцать назад я умирала от желания перекусить. Господи... если ты существуешь, почему все так? За что ей это?

...Карвен сидела на траве, низко опустив голову. Едва увидев меня, она приподнялась и вымученно улыбнулась. Моя маленькая лицемерка, как трогательно.

– Все уже в порядке. Не надо было бежать. Ты запыхалась.

– Да неужели?

Я села рядом и положила руку на ее выпирающие лопатки. Ночная тишина окутала нас, и даже голоса ребят уже едва доносились. Карвен трясло еще сильнее, чем меня, но она нашла силы опять улыбнуться:

– Ну... как господин Ланн?

– Благодушный ягненок, как и всегда. – Я хмыкнула. – Не отобрал деньги. Чудной он все-таки. Временами кажется, сейчас сожрет, но временами вроде человечный. В общем, скоро сможем нормально поесть. Куплю тебе шоколадок... фруктов... или, может, какие таблетки нужны?

– Здорово... нет, ничего не надо.

Энтузиазма не было, что неудивительно для человека, которого только что рвало и который, видимо, не до конца понимает, где вообще находится. Новый спазм заставил Карвен со стоном согнуться. Она успела лишь бросить: «Отойди!» и резко отвернуться. Рука взметнулась к груди, точно подруга хотела еще сильнее продавить свою и без того впалую грудную клетку. А потом я как обычно услышала звуки рвоты и, несмотря на сумерки, увидела: трава окрасилась в красный.

Карвен никто не удочерял; большую часть времени после Рождества она жила на улице. Она сразу оказалась изгоем и среди ребят – даже в стае ее считали *слишком* ненормальной. Скорее всего, ей было несладко, когда еще не умерли родители. Во всяком случае, я, например, не представляю, как жила бы с такой дочерью.

Она была очень худой. Все мы из-за постоянного голода выглядели как узники лагерей, но в сравнении с нами она казалась скелетом. Скелетом с растрепанными волосами, полуседыми и похожими на волосы старухи. В сочетании с кукольным личиком это пугающе. Впрочем, это еще не самое пугающее в Карвен.

Она прочла множество книг и была нашим «мозговым центром» – логичная и аккуратная, она могла просчитать что угодно. Если Карвен сама шла на воровство, ее никогда не замечали. Удача любила эту девчонку больше, чем всех нас вместе взятых, тоже не просто так.

Дело в том, что у Карвен всегда была некая... способность. Как бы дико это ни звучало, она видит мертвых и говорит с ними. Как и почему это пришло, она не знает, да и вряд ли возможно найти здравое объяснение. Это в фильмах и книгах есть облучение, или сумасшедший ученый, или чародей, наделяющий тебя даром. В жизни ты либо рождаешься странным, либо нет. Карвен родилась *такой*, и мне всегда казалось, именно с этим связан недуг, сгибающий ее пополам. Каждый раз, когда *это* случалось, Карвен убегала. Однажды я догнала ее, впервые увидела кровь и потом видела всякий раз. Боюсь – и все равно стараюсь не оставлять Карвен в такие моменты – из страха, что однажды она выблюет печень или еще какой-нибудь нужный орган. Хотя чем я ей в таком случае помогу, я же не врач.

Задрожал воздух, и я привычно зажмурилась. *Началось*. Открыв глаза, я увидела: над Карвен наклонился высокий мужчина в блестящем шлеме и красной форме, кое-где обугленной. От него исходило свечение, а сквозь лицо виднелся лес. Мысленно считая до десяти, я заставила себя успокоиться. Тихо, Вэрди, тихо. Подумаешь, покойник. Подумаешь, рядом с Карвен они становятся видимыми. Ерунда, это далеко не самое страшное, что происходит в твоей жизни.

Некоторые, например, Дама в Синем, являлись значительно реже, а вот Пожарный был постоянным гостем. Карвен говорила, он погиб еще до Рождества. Говорила, у него есть дети, разлуки с которыми он не перенес. Говорила, поэтому он не может упокоиться и скитается по городу. Карвен еще многое рассказывала из грустных биографий своих мертвых друзей, но я, в основном, старалась не запоминать.

Пальцы – живые девчоночьи и мертвые мужские – сплелись, лбы соприкоснулись. Я услышала шепот: «Держись, малышка, сейчас полегчает». Потянуло сквозняком, а потом призрак исчез. Я взглянула на Карвен: она улыбалась, на щеках появился слабый румянец.

– Карвен... – с дрожью позвала я.

– Теперь все хорошо, Вэрди. Мне легче.

Но я сомневалась, что общение с мертвецами хоть как-то можно обозначить словом «хорошо». То, что после этих встреч подруге становилось лучше, не успокаивало. Насколько проще мне было думать, что Карвен чокнулась. Именно так я и считала, когда мы познакомились. Пока сама не увидела *это*.

Карвен была для призраков другом – и они подпитывали ее. Иногда она помогала им упокоиться, иногда, видимо, просто становилась единственным собеседником. Мне не хоте-

лось знать больше, но в одном я тщетно пыталась увериться: что Карвен не умрет когда-нибудь прямо у меня на руках.

– Ты не хочешь все-таки поесть? – безнадежно спросила я.

– Я немного побуду одна, а потом лягу. Иди.

– Не заночуешь со мной? Ночь холодная, была гроза.

– Нет, Вэрд. Спасибо, но я как обычно – до снегопадов тут.

Карвен жила в последнем, наиболее пострадавшем багажном вагоне. В нем почти ничего не было, кроме матраца, где она спала, магазинной тележки без колес, заменявшей ей книжный шкаф, и старого рояля, который, видимо, некогда перевозили – он почему-то выпирал из покореженного вагона, и лишь одна половина находилась внутри. Последней достопримечательностью была статуя какого-то «красного» политического деятеля, на которую Карвен вешала часть своей одежды.

– К тебе... *никто* больше не придет?

Она поняла и покачала головой.

– Не придет. Не волнуйся.

Я понимала еще кое-что: ее не переспорить. Да и усталость давала о себе знать, вернулось чувство голода. Я поднялась на ноги, отряхнула джинсы и сказала:

– Зови если что.

– Спасибо, милая.

Я уходила, точно зная, что она меня не позовет, даже если духи захотят утащить ее в преисподнюю, или где они там обитают. Она никогда никого не звала.

Инспектор [Надзорное управление]

Вэрди проскользнула мимо так быстро, что рыжий сеттер Спайк не успел поднять головы. Зато едва дверь длинного кабинета, где сидело обычно большинство сотрудников, захлопнулась, пес подскочил. Он зевнул, повертелся, встряхнул пушистыми ушами и, убедившись, что опасности нет, уселся обратно. Потом его нос задергался, и пес повернулся к двери, ведущей в личный кабинет Главного комиссара.

Инспектор Карл Ларккрайт, наблюдавший из-за стола, поднялся и, приблизившись, наклонился.

– Не надо, приятель. Рихард не в духе.

Опасения тут же подтвердились: за дверью что-то разбилось. Пес заскулил и поскреб лапой разошедшийся паркет. Карл нахмурился.

– Нельзя.

Спайк понуро улегся; Карл выпрямился и прошелся по кабинету. Даже на расстоянии он чувствовал нервное напряжение Ланна и от этого, как всегда, нервничал сам.

Тишина воцарилась окончательно: Рихард никогда не буйствовал долго. И все же в первые минуты после того как помилованные «крысята» покидали управление, к комиссару лучше было не входить. Для одного из коллег это чуть не кончилось простреленной ногой, для другого все-таки закончилось пущенной в лоб пепельницей. Именно поэтому на должности заместителя комиссара Надзорного управления не задерживались полицейские с самой устойчивой психикой и блестящим послужным списком. Ни один не выносил ни тяжелого непредсказуемого характера Рихарда Ланна, ни постоянных встреч с существами, которых когда-то нужно было защищать, а теперь приходилось ловить.

«Крысятам» запрещено было появляться в городе: заходить в транспорт, магазины, парки – любые места, где постоянно находились взрослые. «Крысята» не учились в школах. И, конечно, никто не пускал их в больницы, если они болели. В тюрьмах для них были свои корпуса с построенными из крупного булыжника стенами, более напоминавшие противоядерные бункеры. И, несмотря на надежность стен, взрослые заключенные, равно как и конвойные, боялись приближаться к маленьким узникам.

Работа не ограничивалась возней с детьми. Если раньше столичная полиция была стройной системой со специализацией, то теперь системой не пахло: на любого сотрудника могло свалиться любое дело; кадров не хватало; в полицию шли даже с меньшей охотой, чем заводили детей. Именно поэтому президент и политики помельче цеплялись за старую гвардию – Рихарда Ланна и ему подобных, временами неуправляемых, но храбрых и очень, очень выносливых. Управления, занимавшиеся, чем придется, были по сути восставшими трупами прежних Закона и Правопорядка. И пока что эти трупы ходили.

Сам Карл приехал сюда примерно семь лет назад. Ему исполнилось двадцать, он вернулся из армии еще в родной стране. Потом начала меняться власть, и отца Карла арестовали как «врага», хотя, казалось, он никогда ни против чего не враждовал. Власть тогда менялась везде, и нашлось одно место, куда Ларккрайт-младший сумел сбежать после падения Стены. Карл верил: все это временно – нужно только переждать. Но кризис оказался настоящей революцией. «Излечившийся от красной заразы» мир зажил по-новому и выбросил с политической карты небольшую страну, где царило насилие и нарушались демократические принципы. А с ней выбросил и эмигранта Карла Ларккрайта, наравне со всеми, кто по каким-то причинам переступил границы приютившейся среди горных хребтов республики А.

В полиции Карл был на хорошем счету, но попал туда не сразу. Имя его отца, полжизни боровшегося за права человека, было известно в определенных кругах по всему региону, и,

пользуясь этим, взывая к его старым друзьям, Ларккрайт сначала многое делал, чтобы пресечь затянувшуюся Охоту на детей. Его не тянуло в политику, но с оппозиционными журналистами он нашел общий язык, не учел только, что их мало и они часто умирают. Ему это показали. И ему еще повезло, что в результате всех попыток вмешаться в решаемое наверху он оказался здесь. В покоем на картонную коробку кабинете, на ночном дежурстве со злым как черт Рихардом. Но даже подбрасывая прескверные обстоятельства, жизнь обычно имеет на тебя свои планы, не обязательно такие же скверные. Карл это знал.

Он приблизился к окну и посмотрел на улицу. Раньше она едва ли выглядела такой запущенной, ведь до центра недалеко. Вообще наверняка все было иным, а теперь умирало прямо на глазах. Умирала страна. Город. Многовековые представления о нормальности. И умирание могло длиться еще не один год.

Карл обошел своего пса и приблизился к двери комиссара. Прошло достаточно, к тому же с той стороны он уже слышал приглушенное бормотание радио:

– Тем временем весь свободный мир готовится к очередной олимпиаде и с нетерпением ждет зимы. К сожалению, некоторые государства по-прежнему не предприняли ничего, чтобы снять с себя действие санкций, и не допущены к участию в этом международном спортивном...

Карл вошел, как раз когда дряхлый приемник, живший здесь еще до его приезда, разбился о стену и заткнулся. Рихард сидел, тяжело дыша, низко опустив голову. Он не отреагировал на появление Карла, даже когда тот приблизился. Карл и не спешил привлекать внимание, зная: к хорошему это не приведет. Но, подождав еще немного, он все же протянул руку и осторожно постучал по деревянной поверхности стола.

– Комиссар?

Ланн схватил его за запястье. Карл едва не взвыл – хватка была железная. Рихард слегка притянул его к себе и поднял ясный, холодный взгляд.

– Что. Тебе. Надо?

Карл поморщился и попытался высвободиться.

– Можно без вот этого? Я могу и броситься.

Слова пробудили Ланна от оцепенения. Он разжал пальцы, усмехнулся и переспросил:

– Ты? Да твоя собака скорее на кого-нибудь бросится.

Карл сердито поправил очки. Он знал, что его не воспринимают всерьез, сколько бы ни прошло. Да кто он для Рихарда? Очередной щенок, разве что проявляет чуть больше характера. Чтобы Рихард принимал тебя как равного, наверное, надо каждый день задерживать по десятку преступников, а десятка в нынешней стране иногда не набирается и за неделю. О низкой раскрываемости говорят не зря.

– Что... злишься?

Карл оборвал привычные тоскливые размышления. Рихард пронизательно поглядывал снизу вверх, шурился и слегка ухмылялся в усы. Определенно, перепалка его взбодрила.

– Злишься, – удовлетворенно повторил он. – Где твое обычное умение скрывать эмоции?

– Я вовсе не злюсь. С чего мне злиться на ваше вечное...

– Все на лице. – Ланн скучающе подпер подбородок рукой.

Карл не стал спорить. Он видел, что Рихард снова улыбается без яда и без готовности сожрать. За подобное он был готов простить очередные попытки себя воспитывать и учить жизни. Всегда прощал.

Пять с половиной лет назад, когда люди, занимавшие сейчас посты в правительстве, решили избавиться от сына Йозефа Ларккрайта, слишком много говорившего о правах «крысят», спас его именно Рихард. Помог спрятаться, затем взял на работу. Привязанность к нему стала для Карла чем-то определяющим, похожим на болезненно-беспочвенную верность собаки хозяину. Иногда это пугало, но чаще наоборот помогало не опустить рук. Поэтому Карл раз за разом лез из кожи вон, чтобы что-то доказать, и добивался противоположного:

Ланн, проходя мимо после очередного задержания, бросал что-нибудь вроде «Стоило бы быть побыстрее». Впрочем, Карл смирился. Несмотря на непредсказуемость, к Рихарду он относился хорошо, прежде всего из-за живого ума и обычного уверенного спокойствия. Лишь иногда бывали срывы – когда мир в очередной раз напоминал Ланну о своей *неправильности*. Когда появлялась...

– Эта девчонка... – глухо сказал Рихард, словно читая его мысли. – Точно однажды убью.

Карл вздохнул: ему неприязнь к Вэрди была непонятна. Воровала она не больше других и, в отличие от них, по крайней мере, никогда не убивала. Ларккрайту нравились ее находчивые ответы, красивое лицо и копна вьющихся волос – темно-каштанового с рыжиной оттенка, как у него самого. Вэрди немного напоминала ему мать – такой она была на детских фотографиях: живая, симпатичная, серьезная.

Ланн снова пристально всмотрелся в Карла, и тот дорого бы дал, чтобы понять, что на этот раз так его заинтересовало. Ответ не заставил себя ждать.

– А принеси-ка мне кофе.

Ларккрайт закатил глаза.

– Заведите себе секретаршу.

– Кто сюда пойдет? – Рихард потянулся за сигаретами. – Патрульных-то еле выбили...

Кто здесь выживет, кроме нас с тобой? Так что давай, шевелись.

Карл еще некоторое время возмущался, хотя в глубине души был рад, что обошлось без кровопотерь. Девчонка ушла живой, мебель почти цела, гроза миновала. Уже выходя, Карл кое о чем вспомнил и обернулся.

– Кстати, звонил герр Леонгард. Говорил о «крысятах» – что они ходят по разрушенному НИИ. Велел это пресечь, иначе будет писать жалобу.

Ланн, лицо которого уже скрыл табачный дым, немедленно высказал все, что думает по поводу герра Леонгарда, а также о том, куда тому следует отправиться со своими жалобами. Карл пожал плечами.

– Не думаю. Скорее туда отправлюсь я, если скажу это, когда он перезвонит. Хотя не представляю... что дети забыли на этой свалке?

– Вся наша жизнь – свалка, – желчно откликнулся Рихард, утыкаясь в рапорт и теряя связь с реальностью.

Карлу было что возразить, но он промолчал.

Маленькая разбойница [Восточная железнодорожная колея]

– Ал, ну что ты забыл на этой свалке? Там наверняка охрана! А если бы попался?

Мы сидели поодаль от других ребят. Разговаривать мне не хотелось, настроения не было, да и от шума начинала побаливать голова. Поэтому я устроилась в сторонке, а Ал, углядев меня, пришел и притащил несколько картофелин и даже остатки ветчины. Он всегда обо мне заботился и с гордостью считал себя *замкапитана*. У меня не было заместителей, и я не была капитаном, но разочаровывать его я не хотела.

Ал смотрел на темную озерную воду; блики костра переливались во взъерошенных волосах. Услышав вопрос, он оживился и поближе придвинул ко мне грязный мешок.

– Там чума! Столько всего крутого! И нет, никто не гоняет.

– Пока не гоняют... – Я нахмурилась, наблюдая, как он вытряхивает собранный хлам. – Что-то из этого поможет усилить электрогенератор? Ты помнишь, на каких соплях он держится? Сам ведь соорудил!

Ал насупился: в полете дурной изобретательской фантазии он ненавидел разговоры о земных проблемах вроде дряхлого холодильника, которому не хватало энергии от украденного много лет назад переносного энергоблока. Решив, что Алан уже достаточно пристыжен, я стала изучать принесенный им мусор.

Полузаброшенный НИИ все звали просто «свалкой». От некогда огромного научгородка осталось три корпуса, где работало не больше пятидесяти ученых. Остальное превратилось в руины. Частично – от нехватки финансов, частично – из-за большого пожара, устроенного Речной бандой: так называла себя группа девчонок и мальчишек, захвативших во время Охоты несколько боевых кораблей и БМП. Сейчас все это давно пришло в негодность: «речные» не могли поддерживать машины в порядке и снабжать топливом, но тогда техника помогла им здорово потрепать нервы взрослым.

Научный комплекс разваливался уже давно. Территория превратилась в пустырь, а завалы никто толком не разгреб. Поэтому Алу удалось пожить: он утащил строительные инструменты, несколько пробирок и колбочек, какие-то банки с порошками, моток проводов, радио и уйму других интересных ему сокровищ.

– А еще вот. – Он указал на циферблаты, ключики и стеклянные штуки, напоминающие бусины. – Сделаешь что-нибудь.

Я невольно умилилась: Ал не забыл о моей страсти мастерить украшения! Карвен даже носила гайку, которую я повесила на плетеный шнурок.

– Подлиза. – Я потрепала Алана по волосам.

– Все для вас, мой капитан. – Он ответил ослепительной улыбкой. Мне бы его ровные зубы, хотя у меня-то не было папаши-дантиста.

Я сгребла мелкие «девчачьи» радости и с тоской подумала о том, что сесть за украшения в ближайшее время не удастся. Слишком много дел маячит на горизонте, например, вагоны утеплить...

Внимание привлекло еще что-то, блеснувшее в траве. Это были две больших линзы; рядом лежала гнутая металлическая оправка, к одной из дужек крепился блок кнопок. Второй почти такой же блок болтался на проводке, торчащем из другой дужки.

– Что это? – Я взяла покалеченный остов очков. – Какое-то новое изобретение?

– Не, я нашел, – отозвался он, начиная протирать линзы рукавом. – Подумал, что-то годное, вдруг починю.

– Ал, а если это оружие? – Я потрогала пальцем проводок. – В том НИИ много чего разрабатывалось. Помнишь, как у них однажды что-то взорвалось и погибла куча людей?

– Да брось. – Он безмятежно махнул рукой. – Это обычные гляделки. Может, они как бинокль или рентген... нам пригодятся. А если и оружие... здорово же!

– Алан. – Я снова сердито нахмурилась. – Ради всех святых и дохлой кошки, занимайся экспериментами подальше от нас, ладно? И от нашего жилья. Иди вон на кладбище.

– Заметано! – Он поскорее прижал охапку своих находок к груди. – Ты будешь еще мною гордиться.

– Или плакать над твоим трупом, – фыркнула я.

– Что, правда будешь плакать? О, мне это так...

– Дурень. – Я щелкнула его по лбу. – Держи карман шире. Мне будет лень даже тебя закапывать.

Он замолчал, видимо, обдумывая, шучу ли я. Я зевнула и встала.

– Ладно, бывай. Пойду спать. И если хотя бы один из твоих баранов меня посмеет потревожить...

Я погрозила ему кулаком. Этот жест у нас часто был вместо прощания. Ал хмыкнул, и я пошла прочь.

Комиссар [Надзорное управление]

– Чертово утро...

Рихард с трудом открыл глаза. Светало, низкие тучи по-прежнему затягивали небо. Ланн потер лоб, встал и размял затекшую спину. Голова гудела.

Рихард не помнил, как отключился над отчетом и почему не дошел до дивана. Вообще подробности ночи стерлись из рассудка, как и обычно. Отчетливо отпечатались лишь фраза, которую маленькая тварь ему бросила: «Иногда мне жаль вас...». Почувствовав подступающую злобу, Ланн спешно пригасил ее новым глотком отвратительного коньяка, стоявшего на столе. Ночью он таким мерзким не казался, хотя Карл не случайно, наверное, воротил от этого пойла нос.

Мысль о Карле вызвала что-то вроде укола совести. Рихард уже набрал в грудь воздуха, чтобы окликнуть помощника, но в последний момент передумал и осторожно приоткрыл дверь в общую комнату, которую в рабочее время занимали семеро следователей управления. Никакого разграничения, никакого личного пространства, да, в общем-то, и никакого смысла.

Здесь пока было пусто, только Карл спал, накрывшись мундиром, на том самом диване, который Рихард так любил. Заполненная отчетность аккуратной стопкой лежала прямо на обтянутой кожей диванной спинке, рядом с табельным оружием, которое вообще-то полагалось класть в сейф. При первом же шаге часть листов, шурша, обрушилась на пол, но это не разбудило. Ланн заметил, что Карл спит в той же позе, в какой и развалившийся на коврик у двери Спайк, – свернувшись и прикрывая глаза рукой.

Раздалось цоканье когтей: пес проснулся, подошел и ткнулся носом Рихарду в ладонь. Стоило повернуться, как сеттер привстал на задние лапы, упершись передними ему в грудь и навалившись всей немалой массой. Спайк явно радовался утру, и как у него это получалось?

– Бестолковая псина, как и твой хозяин, – тихо сказал Рихард. Спайк лизнул его куда-то в подбородок: такое приветствие было привычным и устроило его. – Пойдем, я тебя выпущу.

Отправив настырного пса гулять, Рихард вернулся к дивану, где видел десятый сон измученный Ларкрайт. Постояв некоторое время рядом, Ланн от души саданул по спинке и без того ветхой мебели ногой.

– Подъем, пехота.

Карла утреннее приветствие впечатлило больше, чем Спайка. Он резко сел и уставился на Рихарда.

– Что-то случилось?

– Случилось. Утро наступило. Никого не убили за ночь? Никто не звонил? Патрульные живы?

– Не звонил, не убили, – потирая глаза, отозвался Карл и свесил ноги с дивана. – Патрульные... да, думаю, живы.

– Собери свои документы с пола. Ты их уронил.

– Да? Как же это я...

Ланн присел рядом и вынул из кармана сигареты с зажигалкой.

– Не знаю, я по ночам предпочитаю спать.

Карл не успел ответить. Дверь открылась: Рихард не стал запираť ее, пока не вернется пес, и теперь сильно об этом пожалел. На пороге стоял высокий плечистый мужчина со светлыми волосами и курчавой короткой бородкой. Наивернейший предвестник того, что утро продолжится еще хуже, чем началось.

– Бурная ночь, я вижу? – Черные глаза за стеклами очков блеснули. – Полиция бдит.

– Несомненно, бдит. – Ланн даже не поднялся. – Доброе утро, герр Леонгард, какими судьбами?

Доктор Чарльз Леонгард, один из немногих выживших ученых центрального НИИ, широким шагом прошел по помещению. Рихард, дымя сигаретой, наблюдал за ним и с сожалением думал о забытой в кабинете бутылке. Она была бы кстати – или приложиться, или разбить об голову утреннего гостя.

Сорокадевятилетний Леонгард считался светилом медицины – когда-то, еще до *Рождества*, он был главным врачом лучшей в городе больницы. Сейчас больница, оставшаяся почти без врачей и пациентов, стояла в запустении, а Леонгард работал в правительственных лабораториях. Он занимался экспериментами, о которых Ланн знал лишь, что они курируются Кабинетом министров и связаны с «крысятами». Выбрав их объектом исследований, Леонгард урвал солидный куш и теперь в деньгах не нуждался. Это было крупными буквами написано на открытом, ухоженном лице.

С Рихардом он был знаком еще до времен Охоты. *Намного* раньше, но вспоминать не хотелось. Доктор раздражал до зубной боли – вечной улыбкой, опрятной одеждой, густым басом и привычкой растягивать слова. Но больше всего Ланн ненавидел его, конечно, не за это. Другое выделяло доктора, незримо ставя в сторону от озлобленных, потерянных граждан. У Леонгарда была дочь. *Дочь из «крысиного» поколения*. И он не опасался никакой заразы, в то время как...

– Пришел поговорить о «крысятах». – Леонгард опустил на стул. – Мой друг...

Рихард быстро переглянулся с Карлом: тот усмехнулся и дернул плечом. Ни о каких других вещах этот тип с ними не говорил. Ланн нахмурился, продолжая неприятные размышления, и затушил сигарету.

Дочь Леонгарда была ровесницей Вэрди. Тоже не росла и наверняка не могла иметь детей; посторонние считали ее вовсе не ребенком, а содержанкой доктора. Между ней и «крысятами» зияла пропасть, потому что в Рождество четырнадцатилетней давности Леонгард не умер. Причин знаменитый врач не нашел, хотя занимался вопросом до сих пор. Дочь же он спрятал от пристального внимания и ставил эксперименты на других.

– Что же вам угодно? – отстраненно спросил Рихард. – Они что-нибудь у вас украли? Я уже поставлен в известность об инциденте на вашей *свалке*.

Некоторое время Леонгард ощутимо колебался и пытался проанализировать, каким тоном произнесено слово «свалка», наконец все же ответил:

– Можно и так сказать. Я видел их на развалинах бывшей *лаборатории*. Помните, той, которую разбомбили дети с реки?

Ланн кивнул, потом добавил:

– Не думал, что там валяется что-то ценное. Они искали какую-нибудь утварь.

Леонгард вздохнул.

– Там есть опасные обломки образцов. Проводилась зачистка, но, к сожалению, остались некоторые изобретения, к которым...

– Дети их не соберут в жизни, – хмыкнул Ланн. – Если вы опасаетесь именно этого. Но если вам хочется, я наведу вас в известные мне «норы» и припугну «крысят», чтобы больше они к вам не совались. Уверен, они найдут места, где валяется мусор получше.

Рихард надеялся, что теперь-то беседа кончится: формально он свой долг исполнил. Но чутье подсказывало, что все не так просто, и будь проблема такой мелкой, Леонгард не притащился бы сам. Ланн не ошибся, но, несмотря на это, следующие слова стали для него неожиданностью.

– Что вы, нет нужды. Можете рассказать мне о парочке этих... как вы сказали... «нор», и я схожу туда сам, я не опасаясь говорить с детьми. У вас и так немало работы, вы же не дикозападный шериф, обязанный следить за...

«Дикозападный шериф». Рихард усмехнулся: ему, судя по нынешнему разбросу обязанностей, такое определение весьма подходило. Но главным в ответе было другое. Все сразу стало ясно до тошноты. Более не церемонясь, Ланн поднял ладонь на уровень глаз собеседника и демонстративно отстранился.

– Побеседуйте, пожалуйста, с моей рукой. Моя рука интересуется, у вас что же, опять умерли все подопытные, которых вам невесть где отлавливают?

– Почему же этим интересуется только ваша рука? – Леонгард расслабленно откинулся на спинку стула, созерцая растопыренную перед ним пятерню.

– Потому... – сквозь зубы ответил Рихард, – что остальная часть меня может воспринять ваш нынешний визит как явку с признанием в похищении детей. И для начала загнать вас в карцер на пару недель. К уголовникам.

– Достойный аргумент, – оценил Леонгард. – Но я никого не похищаю. Все мои эксперименты добровольны, я плачу за них. И я рискую жизнью, контактирую с детьми.

– Сколько ваших подопытных *вышли* из лаборатории? – лениво полюбопытствовал Рихард, опуская руку. – Кажется, они рискуют жизнями сильнее, чем вы.

А в правительстве блестяще пресекают все его, Ланна, попытки прекратить похищения и наладить систему регистрации «крысят». Так же, как пресекали когда-то попытки Карла – идиотские, но отважные – агитировать в их защиту, да хотя бы требования выдать детям паспорта. Пресекали очень настойчиво и болезненно. Кто бы знал обо всем этом дерьме больше Рихарда?

– Вы не понимаете. – Леонгард прервал его размышления. – Они нужны мне. Это важные исследования. Революционные.

– И каков же их предмет? С объектом более-менее разобрались, маленькие беззащитные чудовища.

Леонгард выразительно покосился на Карла. Рихард, заметив это, прищурился.

– От него у меня тайн нет. Если мне не понравится то, что вы скажете, и я захочу вас пристрелить, он будет оттаскивать меня и спасать вашу шкуру.

– Как пожелаете. – Леонгард по-прежнему не терял самообладания. – Дело в том, что я собрал статистику по стране и обнаружил кое-что интересное... очень интересное. Вы знаете, что довольно часто для спасения жизни человеку приходится пересаживать чужой орган или переливать кровь? И все эти операции, в случае той же лейкемии?

– Знаю примерно, – махнул рукой Ланн. – Одного выпотрошили, в другого вставили. Отвратительно, если разобраться.

Это он выдал намеренно, хотелось увидеть, как ухоженное лицо скривится. Оно предсказуемо скривилось: Леонгард не любил дураков и не отличал их от тех, кто лишь прикидывался. Ланна с юности умилял этот снобизм.

– Так вот, – ровно продолжил доктор, – случилось, что у врачей не было выбора и им приходилось брать в качестве доноров «крысят». На свой страх и риск, но смельчаки находились. Конечно, не живых, обычно – свежие трупы. И... – доктор сделал паузу, – ни после одной из таких операций у пациентов не случилось отторжения клеток. Независимо от группы крови и резус-фактора. Эти дети – универсальные доноры. Что-то в их организме делает их такими. Такова моя теория. И я хочу понять, как это работает.

Ланн молчал. Теперь он понимал, что самым разумным было бы застрелить утреннего гостя. Хотя бы потому, что его глаза за стеклами очков горели не предвещающим ничего доброго огнем, как у свихнувшихся ученых в фильмах вроде «Франкенштейна». Леонгард оживленно продолжал:

– Нужны подопытные. Конечно, пока никаких трансплантаций, только работа с кровью и...

– «Пока» – хорошее слово, – пробормотал Карл. – И «обычно». Там, где «свежие трупы».

Леонгард не посмотрел в его сторону. Если Ланн для него был дураком, то Карл – пустым местом.

– Эти исследования спасут много жизней.

– А сколько погубят? – Рихард снова услышал голос Карла и умилился тому, как Леонгард проигнорировал вопрос.

– Так вы поспособствуете мне?

– Нет.

– Что, простите?

– Нет. Можете умножить этот отказ на шесть.

Говоря, Рихард снова неторопливо закуривал. Он дал себе слово не размениваться на грубости и собирался его сдержать. Огонек вспыхнул на кончике зажигалки. Леонгард, не сводя с пламени глаз, сцепил на груди руки.

– Но неужели вы не понимаете, что ваша задача...

– Моя *задача*, – отрезал Ланн, убрав зажигалку, – защищать закон. Задачи ловить «крысят», чтобы вы их резали, у меня нет. Зато есть другая – пресекать преступления. Убийство ребенка – даже такого – преступление. Они граждане нашей страны, с соответствующими правами, как бы к ним ни относилась общественность. Вы поняли меня? Конституция, как бы ее ни кастрировали, действует.

Тирада была длинновата, зато от нее пасло бюрократией, – то что нужно в разговоре с высоколобым отморозком. Леонгард правильно все истолковал.

– Понял. – Он скорбно вздохнул. – Благодарю. Более не побеспокою.

– Обратитесь в морги, – посоветовал Ланн. – Свежие трупы в вашем распоряжении.

– Ценный совет... благодарю повторно.

В помещение вбежал Спайк и ощерился, увидев гостя. Рихард подозвал пса к себе и предостерегающе удержал за ошейник. Леонгард, с явным презрением оглядев пару проплешин в рыжей шерсти, поднялся на ноги.

– Что ж, хорошего дня. Жаль, мы не поняли друг друга.

Когда Леонгард уже был у дверей, Ланн, почесывая пса за ухом, небрежно бросил:

– На крайний случай у вас есть для экспериментов ваш собственный «крысенок».

Леонгард глянул на него в пол-оборота и ответил:

– До свиданья. Доброго дня.

Дверь захлопнулась.

Маленькая разбойница [Восточная железнодорожная колея]

– Надеюсь, меня не будет рядом, когда тебя пристрелят.

Мы собирались на рискованную вылазку в магазин за продуктами – на запретную для нас территорию. Для этого нужно было сделать то, что мы часто делали в *настоящем* детстве, – нарядиться взрослыми. Летом это нередко оказывалось сложным, а вот сейчас не вызывало проблем.

Единственное, что я ненавидела в маскараде, – вату в лифчике. Остальное казалось даже забавным: я запудрила лицо, накрасилась обломком карандаша для глаз, встала на устойчивые широкие каблуки, чтобы казаться выше. Собрала в пучок волосы, нацепила вуаль. Ал, и без того высокий, нахлобучил шляпу и переделся в самые приличные штаны. В заключение мы оба надели перчатки – спрятать татуировки. Мы не выглядели на свои двадцать восемь, но шансы, что нам что-то продадут, повысились.

Уловив мое недовольство, Ал фыркнул и поудобнее перехватил сумку.

– Я не буду сегодня воровать, не переживай так. Мне ничего не надо.

«Мозги, разве что?» – вяло подумала я и сказала это вслух.

Продолжая переругиваться, мы вылезли из вагона, попрощались с ребятами и двинулись вдоль путей. Дул ветер и накрапывал дождь, настроение вполне отвечало погоде: было отвратительным. И хотя мы достаточно удалились от поезда, я слышала крики «живых овощей».

Как на нас никто еще не устроил облаву? С такой «сиреной» не спрячешься, а мы каким-то чудом скрывались несколько лет. Может, благодаря Карвен, из-за которой железнодорожная колея до сих пор слыла аномальной зоной. А может, потому что кто-то перегородил колючей проволокой и старыми противотанковыми ежами рельсы, на которых стояла наша развалюха, и повесил таблички «Опасная зона» и «Не пересекать»? Обстановка в стране неспокойная, тревожные красно-желтые надписи действуют на людей не хуже, чем предупредительные выстрелы.

Думать об этом было тошно, но и болтать не хотелось. Я и так видела Ала слишком часто, и в основном он извечно дурил меня бесполезными изобретениями. Окончательно приуныв, я пробурчала:

– Лучше бы взяла с собой Карвен.

Алан так тряхнул головой, что с нее слетела шляпа.

– Карвен не стала бы таскать за тебя картошку.

В этом Ал был прав, и я промолчала. Он поднял шляпу, вздохнул и предложил:

– Возвращайся, если хочешь, я все куплю сам.

– И я буду виновата, если ты попадешься? Ну уж нет. Но... Карвен действительно лучше было взять. Она приносит удачу.

– Ты сама не захотела будить ее.

– Потому что знала, что ты будешь ее задирать. Ей нельзя нервничать.

Алан вдруг замедлил шаг и взял меня за плечо.

– Вэрди! Объясни, зачем тебе эта мутная девчонка? Ты многовато о ней думаешь.

От неожиданности я споткнулась о торчащую из земли железку, с трудом удержала равновесие и встала как вкопанная. Не то чтобы вопрос был новым, наоборот, я уже столько раз отвечала на него Алану, что пора бы прекратить спрашивать. Тем более он знал, как меня это злит.

– Карвен – моя подруга, – начала я, стараясь не повышать голос. – Она не мутная. Она была со мной до тебя. Еще раз выскажешься о ней *так* – выбью зубы. Понял?

Говоря, я крепко держала Ала за рукав плаща и не сводила с него глаз. Когда я закончила, он попятился, виновато шмыгнул носом. Может, я казалась ему похожей на фурию? Пусть так.

– Извини, я пошутил, – пробормотал он. – Закрыли тему.

Но теперь закрывать тему не собиралась я.

– Если бы не Карвен, у нас не было бы этого поезда и многого другого. Постарайся помнить это, а не только какие-то формулы.

Алан капитулировал. Я удовлетворенно спрятала руки в карманы и ускорила шаг. Идти на каблучках по раскисшей земле, усыпанной камнями и металлоломом, было трудно, но я не обращала на это внимания.

Мне вспомнилась случайная встреча с Карвен под городским мостом. Я еще только покинула дом моей второй матери и рада была хоть кого-то встретить. Полуседая тощая девочка показалась мне чокнутой, но она была добра и ухитрилась доставать еду. Это сразу примирило меня с ее странностями – побегам, долгим вечерним созерцанием неба и общением с призраками, которых я поначалу не видела. Карвен научила меня воровать и прятаться. Ей никогда не приходило в голову меня прогонять или требовать благодарности. Она просто стала мне близким человеком, насколько вообще способна быть близкой.

Летом мы отправились искать другой дом: из-под моста нас выгоняли взрослые бездомные. Я думала, мы выбираем путь наугад, но Карвен отлично знала, куда идет. Впервые увидев машину покореженного поезда, я подумать не могла, что здесь и есть наш конечный пункт. Эшелон был мне знаком: он стоял еще со времен Большой войны. Говорили, когда он перевозил беженцев, его обстреляли вражеские самолеты, а еще пустили газ, в котором задохнулись те, кто был еще жив. Этих людей и закопали на кладбище по другую сторону дороги. А эшелон не убрали: сначала оставили как напоминание об ужасах войны, потом элементарно забыли. Другие поезда стали пускать по объездному пути. Колея оказалась ненужной. За сорок лет родилось множество баек о живущих тут призраках. Байки имели почву, но вот этого я не знала.

Прибыв, мы не обнаружили тут никого, кроме Маары, она поселилась прямо в паровозе. Разговаривать она почти не умела, понимала самые простые слова, и лишь с большим трудом нам удалось чего-то от нее добиться. Маара до Рождества жила в интернате, потом убежала. Она знала историю своего дедушки и захотела посмотреть его поезд. А потом осталась тут жить, потому что в городе все были слишком злые, так она объясняла. Маара слышала и истории про привидений, но они никогда ее не выгоняли, потому она их не боялась. А еще Маара уже тогда начала подбирать «живых овощей». Ей было их жалко, она даже воровала для них молоко в ближайшем поселке. Удивительная доброта, видимо, она ярче выражена у таких вот безмозглых, блаженных: напрочь подавляет инстинкт самосохранения.

Я думала, Карвен пойдет дальше: не могло ей понравиться такое убогое местечко. Но она сказала: «Мы дома».

Той же ночью я впервые увидела, как *на самом деле* может проявляться ее страшный дар. Карвен освободила мучающихся духов; надеюсь, она отправила их в места, о которых мне еще только мечтать. Вряд ли в другие: Карвен ведь добрая.

Поезд осветился тогда ровным фиолетовым сиянием. Нити этого сияния тянулись к небу. А потом из земли вокруг начали взлетать мерцающие силуэты; они превращались в звездочки, и, казалось, это никогда не кончится. Более жуткого и завораживающего зрелища я не видела. А перед паровозом стояла, раскинув руки, Карвен, похожая на самую настоящую колдунью.

Та ночь стала началом нашей *стаи*. Ребята приходили из города, поселков, соседних областей и оставались. Карвен не захотела быть лидером, эту роль пришлось взять мне. Со временем я привыкла, – как и к тому, что Карвен оставляют силы. Наверное, то освобождение призраков надорвало ее, но мы не говорили об этом. Она вообще ни с кем не говорила о том, что как-то касалось ее. Главное – она дала нам дом. Сделала меня вожаком, хотя мне тяжело

это далось. Но мы ведь не всегда делаем то, чего хотим, и то, что умеем. Иногда мы делаем то, что просто получилось бы у других еще хуже.

Ал ткнул меня локтем. Впереди высились городские постройки. Я подняла глаза и увидела большой рекламный щит, с которого грустно улыбалась Госпожа Президент. «Заводите семьи. Родина начинается с семьи!» – гласила надпись. Алан скривился.

– Будто это так же легко, как завести щенка.

Возмущенная, я вступилась:

– Заткнись. Она старается, как может. Помнишь, какая она была красивая перед Рождеством? А сейчас? Представляешь, четырнадцать лет рулить такой страной, как наша? Прямо как я в нашей стае...

На этот раз права была я. Госпоже Президенту исполнилось тридцать пять, когда ее избрали, а выглядела она и того моложе, красотой напоминала голливудских актрис. Она была сначала полицейской, затем депутатом, потом то ли министром, то ли помощником министра. Я мало что знала о политике, но Гертруду Шенн – так ее звали – считали умной. Несмотря на молодость в сравнении с другими кандидатами возраст, ее выбрали со значительным перевесом. И случилось это как раз перед тем, как... все произошло.

Рождество уничтожило правительство и большую часть недавно обновившейся партийной верхушки. Госпожа Президент, у которой семьи не было, правит развалинами до сих пор. Она стала похожа на скелет и разучилась улыбаться, но все так же элегантно и отлично притворяется, что еще во что-то верит. Что и говорить, Госпожу Президента я всегда уважала больше, чем любую другую женщину. Наверно, я даже хотела бы, чтобы она была моей мамой.

Мы миновали щит, вошли в город и здесь сразу подобрались, но на полупустых улицах мало кто обращал на нас внимание. Пройдя несколько запущенных кварталов, отличающихся лишь надписями на заколоченных дверях, мы дошли до большого магазина. Глядя сквозь стекло, я поняла: с продуктами плохо, как и в других. Впрочем, чего удивляться? Даже в столице ничего не достанешь. И надо радоваться: в городах поменьше все теперь вообще по карточкам.

Внутри оказалось малоллюдно. Скучали две кассирши, пахло хлоркой. Мы пошли вдоль полок. Как хорошо, что мы не приучены к дорогой еде и нам не нужно ничего, кроме картошки, хлеба и дешевой колбасы. И славно, что Маара сама обеспечивала молоком «живых овощей»: я бы этим заниматься не стала.

Уже у кассы я не удержалась и схватила пару дешевых шоколадок для Карвен, я знала, что это почти единственное, что она любит. Ал что-то осуждающе буркнул, я отдала ему ногу. Кассир, подняв взгляд, приветливо улыбнулась: она меня знала, я уже приходила в этот магазин.

Взрослые улыбались мне редко, и я постаралась, чтобы ответная улыбка вышла теплой. Женщина начала пробивать продукты, я – складывать их в сумки и совершенно забыла про...

– Ал!

Боковым зрением я увидела: он сунул что-то в карман. От злости и страха потемнело в глазах. Чтобы еще и здесь нас считали ворами? Такое уже случалось, каждый раз приходилось менять магазин!

– Положи! – зашипела я, пользуясь тем, что женщина считала деньги, которые я ей отдала.

Ал пожал плечами: «Не понимаю, о чем ты». Кипя, я схватила его за руку и разжала пальцы, в которых, разумеется, ничего не было.

– Возьмите сда...

Забыв про кассиршу, я пыталась вывернуть Алану запястье. Перчатка сползла, но в себя я пришла, лишь услышав полный отвращения визг стоявшей за нами женщины:

– КРЫСЫ! КРЫСЫ!

Ал ухватил одной рукой сумки, другой меня и ломанулся к выходу. Я не сопротивлялась, потому что слышала тяжелый топот за спиной. Быстро обернувшись, я увидела двух охранников и мужчину с замотанным шарфом горлом. Судя по злобному блеску его глаз, это был кто-то из горожан, считающих, что всех нас нужно не только изолировать, но и перестрелять.

Одна из сеток, которую волок Ал, порвалась, и он бросил ее.

– Придунок! – рявкнула я, подхватывая эту сетку под мышку. Ноги и так заплетались, а с несколькими килограммами картошки меня начало заносить. – Что ты спер?

– Батарейки, мне надо...

– Тебе некуда их вставить, идиот!

– Очки...

Он тоже запыхался и не считал нужным ничего больше объяснять.

Наши преследователи не отрывались, их, вероятно, подгонял азарт. Не думаю, что охрана погналась бы за Алом из-за двух батареек. Мне совершенно не хотелось попасться как вчера, тем более я обещала Ланну этого не делать. Ал вдруг замедлил бег и крикнул:

– Давай к центру. Я их отвлеку, встретимся в «норе».

Развернувшись, он бросился навстречу преследователям, а потом скользнул в переулок. Я решила не ждать, кого из нас они выберут, и рванула вперед, крепче зажимая сумку, сетку да еще батон хлеба под мышкой. Нога подвернулась. Шипя от боли, я сбросила туфли. Думать о возможности наступить на стекло было некогда, главное – я смогла бежать быстрее. Больше я не оборачивалась, радуясь, что Госпожа Президент запретила выдавать магазинной охране оружие, снабдила их лишь шокерами.

Я выскочила на очередную улицу, почти оживленную: машин здесь было, наверное, больше, чем на остальных городских дорогах вместе взятых. Нога ныла, и я остановилась, молясь, чтобы за мной больше не гнались. Было тихо, только колотилось мое собственное сердце.

Выяснить обстановку я не успела. Проезжавший мимо лимузин замедлился, задняя дверца распахнулась, чья-то горячая рука втянула меня в салон. Автомобиль сорвался с места, и я обессиленно откинулась на сидение, ощущая запах кожи, косметики и какого-то освежителя. Запахи были знакомы, как и голос:

– Вэрди, опять украла что-то?

Я открыла глаза. Первым, что я увидела, было отражение водителя в зеркальце. На водителе был боевой противогаз, и это окончательно подтвердило мою догадку.

– Сильва...

Моя бывшая лучшая подруга, дочь знаменитого доктора Леонгарда, с любопытством наблюдала за мной. Чистые светлые волосы вились колечками, уголки аккуратно покрашенных губ поднялись в улыбке, а тонкие руки по-прежнему сжимали мое запястье. Я вздохнула.

– Как ты...

– Случайно, – не дав закончить, ответила она и оглядела рассыпавшуюся по салону картошку. – Маф, давай покатаемся! – Это она бросила водителю. – Не ожидала тебя увидеть, Вэрди. Я ехала с танцев.

Я невольно рассмеялась и почувствовала привычный укол зависти. Сильва Леонгард была не изгоем, а полноправным человеком. При ее появлении никто не визжал. «Крысы!» Крик все еще стоял в ушах. Хотя пора бы привыкнуть.

Из-за того, что отец не умер в Рождество, Сильва избежала большинства наших проблем. Она жила в уютном доме и получала все, о чем просила. Правда, соседи и прислуга все равно обходили ее стороной. Даже Мафусаил, личный водитель Леонгарда, если ему приходилось возить куда-то Сильву, всегда одевался как на войну и не забывал о нелепом противогазе. Но едва ли Сильву это волновало. Ее историю мало кто знал. Она тоже не росла, но и в этом не видела проблемы. В отличие от меня, Сильва действительно умела маскироваться: носить каб-

луки, краситься и одеваться на зависть женщинам. Когда она в шубке и сапожках шла по улице, определить, сколько ей лет, было невозможно, но больше двадцати точно. На нее заглядывались. Она была свободна. Как принцесса – избалованная, счастливая и всегда занятая. Большую часть времени она занималась тем, чем когда-то мы мечтали заниматься вместе: училась рисовать, шить, плавать. Все это она уже умела. Теперь вот танцы...

– Рассказывай, – потребовала Сильва, залезая в автономный холодильник и вынимая тарелку с сэндвичами. – И давай поедим, я устала.

Она устала и говорит это мне, пробежавшей полгорода с чертовыми сумками! Впрочем, она меня спасла, да и не знала, во что я вляпалась. Причина злиться у меня была одна: я «крысенок», а она нет.

Пока Сильва наливала сок в стаканы, я смотрела в окно. Облегчение прошло, стало плохо, как и всегда, когда я встречала фройляйн Леонгард. Она так любила меня: без страха приходила к поезду, носила нам еду и лекарства. А я любила ее, но у меня с ней было связано слишком много воспоминаний.

– Тот идиот тебя опять подвел? – Она протянула мне сэндвич с говядиной.

Я кивнула и выкинула все из головы: лучше заняться едой, чем раз за разом скакать по кругу неприятных мыслей. Сильва деловито поинтересовалась:

– Он попался?

– Не знаю, – с набитым ртом отозвалась я. – Он назначил встречу в «норе».

– Значит, туда и поедим. – Сильва отдала мне тарелку и, опустившись на колени, стала собирать картофелины. – Судя по всему, вы лишились некоторой части... м-м-м... провианта?

Я стыдливо промолчала, потому что знала, что она предложит. И она предложила:

– Сначала заедем в магазин поближе к центру, я все докуплю и добуду тебе кроссовки. Потом отвезу тебя до ограждения. Дальше я боюсь. – Она покосилась на водителя. – Сама знаешь чего, лучше навещу пешком.

– Спасибо, – глухо ответила я. – Это будет самое бесполезное времяпрепровождение в твоей жизни.

Бесполезное. Не сравнить с танцами.

Инспектор [Архивы]

Карл устало потер глаза: от букв и цифр в них уже рябило. И, как обычно, за несколько часов он не нашел ничего особенного.

Маленький, похожий на бункер архив располагался отдельно от Управления, в таком же бедном районе, как тот, где Ларкрайт снимал квартиру. С *Рождества* материалов скопилось столько, что держать их в порядке стало невозможно. Нераскрытые дела, фотографии из картотек, пленки с записями следственных экспериментов – все это загромождало ящики и стеллажи, покрывалось пылью.

Сотрудница архива, толстая добродушная фрау Вебер, первое время пыталась помогать Карлу, но вскоре махнула рукой: даже она не могла навести порядок в собственном мирке, куда уже лет десять не приходили с проверками. Поэтому когда Карл появлялся, она здоровалась и вальяжно удалялась в дальнюю комнатку, к чайнику и любовным романам, предоставляя Ларкрайта самому себе.

Сегодня он читал протоколы осмотров родителей «крысят»; их проводили в том числе в НИИ Леонгарда. Данные были записаны стандартно, безлико. «Признаков насильственной смерти нет, остановка сердца вызвана неизвестным нервным импульсом. Ядовитых или наркотических веществ в организме не обнаружено. Труп лежал...»

Кого-то находили на улице, кого-то – в доме, кого-то – на расстоянии от него. И вот тут что-то, кажется, менялось, что-то было ранее упущено.

Карл раскрыл на последней странице два протокола. Взгляд скользнул по почти повторяющимся описаниям и остановился на графе «Предполагаемое время смерти». В листе, описывающем тело Карины Варденга, стояло «между 5:30 и 6:00 утра». В протоколе о смерти некоего Тома Вайеса отчетливо значилось «6:15» – это время подтверждал бездомный, мимо которого мужчина проходил точно в момент, когда его затрясло, скрутило и какой-то «дьяволовой» (по словам свидетеля) силой швырнуло на снег. Том Вайес бился, пытался встать, хватался за горло и хрипел что-то вроде «Малышки... мои малышки...».

Карл снова перечитал материалы. Карина Варденга в предполагаемое время смерти находилась с мужем и дочерью: готовила индейку, так как к девяти в доме ждали гостей. А Том Вайес пребывал где-то в квартале или двух от коттеджа, где спали его дочери. Вайес успел что-то сказать. Хм... а Варденга? Этого никто уже не мог подтвердить или опровергнуть.

Ларкрайт начал ворошить другие подшивки. Он замечал закономерность: чем дальше находились от детей родители, тем позже умирали. То же оказалось верным и для «второй волны» смертей. Но о чем это говорило? Подтверждало отвратительную теорию: дети – *убийцы*, вольные или невольные.

Некоторое время Карл задумчиво перебирал бумаги. Имело ли смысл делиться сведениями? Вряд ли, по крайней мере, пока. Хотя, может, рассказать Рихарду? А может, поговорить с Леонгардом как с медиком? Но если Ланн узнает об этом, мало не покажется: он по каким-то причинам не доверял доктору. Доподлинно Карл этих причин не знал, но комиссар редко ошибался.

Ларкрайт снял копии с пары протоколов, спрятал в сумку и вышел в коридор. Спайк тут же вскочил и завилал хвостом; скучая, он успел изгрызть какую-то папку, забытую фрау Вебер. Карл спешным пинком отправил испорченные документы под шкаф и покинул здание.

Улица встретила его дождем, от чахлого утреннего солнца не осталось и следа. Спайк с лаем понесся по дороге; настроение у него было намного лучше, чем у хозяина. Карл ускорила шаг. Хотелось скорее вернуться в квартиру и отгородиться от мира. Он был благодарен Рихарду, что тот позволил снова прийти на работу только следующим утром.

До дома предстояло ехать по линии надземного метро. Таких веток было всего две, они прорезали город, начинаясь в одних нищих окраинных районах и достигая других, столь же нищих. Хотя, в общем-то, теперь почти все районы города были нищими, даже центр, где красивым по-прежнему выглядел только древний темный собор.

Спайк перепрыгнул низкий турникет и остановился у ведущей на платформу лестницы. Карл глянул на дремлющую в своей будке пожилую смотрительницу и бросил в специальную щель медный жетон, сухо звякнувший в недрах допотопного механизма. Платформа продувалась; дождь усиливался. Карл спрятал нос под воротник и ссутулился. Голова немного кружилась от бессонной ночи и плохого алкоголя, который не стоило пить. Карл на пару секунд опустил веки, а вновь открыв глаза, неожиданно увидел, как далеко впереди, за открытой станцией, по дороге несется черный автомобиль на огромных красных колесах.

Озноб прошел. Карла бросило в жар.

Такая машина – неуклюжая, но мощная, собранная из деталей других, как монстр Франкенштейна из разных трупов, – была на его памяти одна. Она принадлежала убийцам-охотникам, *Котам*. Карл нахмурился: возвращение этих двоих не сулило ничего хорошего никому, а особенно «крысятам». Об этом точно нужно было предупредить Рихарда: Джина и Леон Кац стояли в его списке врагов на втором месте.

Машина скрылась, глухое гудение сообщило о прибытии поезда. Карл, придержав Спайка за ошейник, вошел в вагон и, опустившись на сиденье, повернулся к мокрому окну. Некоторое время он смотрел на дома, потом откинулся на спинку, вытянул ноги и прикрыл глаза. Краем уха он услышал недовольное ворчание, а потом звук, будто что-то тяжелое упало на что-то мягкое: пес запрыгнул на поролоновое сидение и улегся, царапая обивку лапами. К счастью, в вагоне больше не было людей, и никто не стал возмущаться. Хотя желание возмущаться обычно исчезало, стоило взглянуть на форменное пальто Карла. Полиция города была полумертвой, да. Но как и всего, тронутого смертью, но почему-то не похороненного, ее опасались.

Глаза слипались, и, как Карл ни старался, бодрствовать не получалось. Он ощутил, что подбородок клонится вниз, и вовремя подхватил очки. Мелькнула мысль: Рихард был бы рад, если бы они разбились, они его раздражали. Комиссару было известно, что Карл неплохо видит без них. Но для того чтобы попасть в дальнюю цель, зрение было недостаточно острым, а стрельба могла понадобиться в любой момент. А Рихард просто придирался ко всему. Карл нахмурился и начал тереть пальцами виски. Тень Ланна всегда появлялась рядом, когда что-то не клеилось. И, может, лучше тень, чем одиночество?

Карл не заметил, как в динамике объявили нужную станцию. Он шлепнул по загривку Спайка, вышел из вагона, спустился с платформы и пошел по улице. Пес трусил рядом, постоянно забегая вперед и бесцеремонно обнюхивая редких прохожих. Возле подъезда он остановился и, задрав морду, стал наблюдать, как Карл набирает код. Спайк всегда так делал – порой казалось, что пес пытается запомнить цифры.

В подъезде кто-то вновь вывернул лампочки. Карл поднялся на этаж, ощупью открыл дверь и вошел в квартиру – тихую, не многим более светлую, чем лестничная площадка, и почти лишенную мебели. Комнат было две, хотя вторая размерами едва превышала чулан и всегда пустовала.

Карл привалился к стене коридора и сполз по ней на пол. Вошло в привычку: некоторое время сидеть в темноте, поджав колени и запустив в волосы пальцы. Так он «сбрасывал» всю дневную дрянь, вернее, пытался сбросить. Когда этого не удалось, Карл поднялся и, избавившись от верхней одежды, отправился в душ. На ходу он зажег свет и включил радио, но не прислушивался к монотонному бормотанию диктора. Стоя под струями относительно теплой, рыжевато-ржавой воды, он по-прежнему пытался *не думать*, но мысли металась – от Рихарда к Вэрди. Снова к комиссару и прочь. Домой.

Карл глянул в прямоугольное зеркало и отчетливо увидел следы ожогов на плечах. Ему *тогда* сильно повезло, что Рихард оказался рядом, – случайность, самая настоящая. А ничто не связывает людей крепче, чем случайности. Поэтому с Ланном все так сложно.

Карл в последний раз посмотрел на свое изувеченное отражение и, завернувшись в полотенце, вышел в коридор. Радио бубнило о погоде, Спайк хрустел кормом на кухне. Настенные часы гулко пробили три. Все было обычным, но... не совсем.

Первым знаком, что что-то не так, стал сквозняк, продирающий до костей. Карл поежился. Пол будто бы дрогнул. Отступив на шаг, Карл неосознанно стал искать взглядом пистолет: сегодня он опять не сдал его. Убедившись, что кобура достаточно близко, Ларкрайт внимательно огляделся и спросил в пустоту:

– Здесь... есть кто-то?

Невесомая ладонь коснулась плеча. Карл обернулся и шарахнулся назад.

Седая дама в голубом плаще маячила над полом. Сквозь даму виднелись окно и тумба с телевизором. Карл замер, потом потер глаза. Видение не исчезло, продолжая покачиваться. Губы разомкнулись.

– Идите со мной. Я не причиню вам вреда.

– Куда? – прошептал он, осторожно подходя и придерживая полотенце на поясе. – Прямо... сейчас?

Дама заметила его жест и неожиданно улыбнулась, заливаясь легким чахоточным румянцем. Карлу стало спокойнее: он раньше не встречал живых мертвецов, но что-то подсказывало, что злобные призраки-убийцы не краснеют. Он отправился к шкафу и начал одеваться, в глубине души надеясь, что к моменту, как закончит, привидение – или все же галлюцинация воспаленного сознания? – пропадет. Но когда он обернулся, дама витала на прежнем месте.

– Нам надо спешить. Идемте, идемте, герр! – Голос звенел. – Нужна помощь.

– Кому?

– Нет времени. – Она уже выплывала в коридор.

Ларкрайт последовал за ней и услышал лай Спайка. Тот выскочил из кухни, подпрыгнул, попытавшись схватить даму за край одеяния, и неуклюже впечатался боком в стену. Карл придержал его за загривок, с удивлением отметив, что пес совершенно не боялся: ему скорее хотелось поиграть.

– Куда вы меня ведете?

Дама безмолвно просочилась сквозь дверь. Секунду или две Карл колебался, потом решительно отодвинул засов, выпустил пса и сам вышел на площадку. Он всегда мыслил рационально. Он не верил в Бога: по его сторону Стены такое не приветствовали. Может, поэтому вместо страха он испытывал замешательство и желал проверить, насколько тронулся рассудком.

На улице по-прежнему шел дождь, стало еще темнее. Но прохладное мерцание Карл увидел сразу. Дама вела его через улицу. И оставалось только надеяться, что дальше не подстерегают другие, куда менее дружелюбные духи.

Маленькая разбойница [Город]

В «норе» Алана не оказалось. Около часа я, начиная волноваться, ждала его, потом переоделась в привычную одежду и, жалея, что не попросила Сильву задержаться, отправилась обратно в город. Несколько мальчишек тоже рвались на поиски, но меньше всего на свете мне хотелось, чтобы потерялся кто-то еще, а такая вероятность была, особенно сегодня, когда о нашем визите в магазин наверняка знала уже вся округа.

Поравнявшись с рекламным щитом, я накинула свой ушастый капюшон. Не стоило привлекать внимания, красная толстовка плохо подходила для этого, но другой непромокаемой одежды не было. И я решила, что яркость сыграет на руку: давно поняла, что чем старательнее скрываешься, тем с большим любопытством за тобой наблюдают. И наоборот.

У магазина я Алана не обнаружила, как не обнаружила и на соседних улицах. Людей тут вообще было не много, все работали ближе к центру. По надземным рельсам пронесся очередной поезд, и я поморщилась от свистящего звука.

Я дошла до ближайшего участка: если Ала поймали, он должен был тут засветиться. И наверняка он бросил бы где-то шестеренку, их он всегда оставлял, когда хотел предупредить о чем-то. Но и здесь было пусто, только двое дежурных курили на крыльце, обсуждая футбол. Я некоторое время прислушивалась, прячась за углом, но вскоре решила продолжить поиски.

Куда Ал мог пойти? Зная его, куда угодно, вплоть до склада с динамитом, если таковые еще были. А может, его снова потянуло в НИИ искать неприятности?

Низкий рев прервал мои размышления. Из-за старого костела вылетел черный автомобиль на красных колесах и затормозил, раскрошив асфальт. Я шарахнулась вбок и сразу поняла, на кого нарвалась. *Коты*.

Леон и Джина Кац относились к нашему поколению, но на момент Рождества были уже почти взрослыми. Они жили на окраине, с глухой бабкой, которая даже не приходилась им родственницей и умерла за пару дней до *того Сочельника*. Вину близнецов в этой смерти не доказали, хотя отношения в семейке были натянутые.

Вследствие этой «недоказанности» Джину и Леона не преследовали, зато сами они хорошо прижились в новом мире: гонялись за нами и во времена Охоты получали приличные деньги. Потом, усилиями нескольких журналистов, полицейских и политиков, Госпожа Президент выдворила их из столицы. С тех пор мы не видели их и надеялись, что они благополучно сдохли. Но вот парочка вернулась. Зачем?

Точно чутьем, они легко находили наши убежища и обожали травлю. И если широкий, мощный Леон обычно ограничивался одним ударом, то Джина была садисткой, использовала в качестве оружия хлыст. Однажды, когда она пыталась поймать нас с Алом, он чудом увернулся от нее, и конец хлыста неудачно вернулся к хозяйке. Джина лишилась глаза, с тех пор носит на лице повязку и обещает выпустить Алану кишки.

Дверца машины распахнулась, Джина выпрыгнула на асфальт. Она двигалась легко и действительно напоминала кошку. Я прижалась к стене, стараясь не дышать: хоть бы не заметили! Джина остановилась, поправила собранные в пучок темные волосы и обернулась к брату.

– Жди.

Ответа я не услышала, Леон вообще говорил мало. Они с Джинной звали себя «близнецами», но черта с два я в это поверю. Она была как щепка, он сложением напоминал медведя. И что-то подсказывало мне, что их отношения не братско-сестринские: слишком откровенно она иногда лапала его, едва ли не облизывала, похотливо прижималась... фу.

Джина прошлась вдоль дома, остановилась и набрала номер на мобильном телефоне.

– Мы в городе.

Ей что-то ответили, она улыбнулась:

– К чему спешка? Никуда они не денутся, поймаем сколько нужно. Только смотрите, мы не меняем расценок. Пять тысяч марок за одного.

Я напряженно прислушивалась: о чем она? Не Ланна ли мы вывели из терпения, что он решил нанять Котов? Задумавшись, я не заметила, как Джина оказалась в опасной близости. Еще некоторое время она говорила, потом убрала телефон и... сделала стремительный шаг за угол.

– Привет, сестренка.

Привычное обращение сопровождалось ударом в челюсть. Здраваться в ответ я не стала, рванула прочь, стараясь на бегу прийти в себя. Джина схватила меня за толстовку, но мокрая ткань выскользнула из пальцев. Я услышала: «Леон, гони!»

Второй раз за день я убежала. Нога ныла, а улица, как назло, была широкой. За спиной ревел мотор; огромная машина перла, как танк. Я надеялась, что Коты хотя бы не будут стрелять, и лихорадочно искала какой-нибудь проулок. Сердце билось в горле, грудь кололо. Опять пришла нелепая, жалкая мысль: почему я? Где хоть кто-то, кто защитил бы меня? Кто *хотел* бы защитить? Я встряхнулась. Не стоило скулить, тратя бесценное время. На глаза попалась улочка, и я свернула, молясь, чтобы она не вела в тупик. Я не сомневалась: Джина рванет вдогонку, и старалась выиграть хоть минуту.

– Постой, детка! Мы просто отвезем тебя к доктору!

Я свернула в новый закоулок, проскочила в подворотню и, промчавшись через безлюдный двор, вынырнула с другой стороны. Полминуты я постояла, собираясь с силами, и наконец бросилась в следующий проулок, неожиданно короткий. Точнее, я поняла, что он короткий, уже очутившись на грязной мостовой и услышав нарастающий гул.

Это не была машина Котов, что не помешало ей даже не сбавить скорости. Я почувствовала удар в бок: автомобиль задел меня и унесся. А я рухнула в грязь.

Комиссар [Квартира Рихарда Ланна]

До Рождества

– Обещаешь? Приедешь? – Голосок Аннет, казалось, не звенел в трубке, а заполнял комнату.

– Хорошо, вороненок. Я постараюсь.

– Мы с мамой ждем.

– Не думаю, что мама ждет, – мягко возразил Рихард.

Аннет вздохнула и заговорила так, будто объясняла что-то очень глупому человеку:

– Ну ладно... я жду. Я соскучилась, я тебя вижу раз в год.

– Я попробую. – Вместо тепла, которое прежде накатывало от таких слов, Ланн вдруг почувствовал лишь усталость. – Если доберусь до вас через такой снег и если не придется задержаться. Знаешь же, в Рождество всем хочется домой, а полиция должна всех охранять.

– А тебе не хочется домой?

– Хочется, милая.

На этот раз Рихард не соврал, домой хотелось. Вот только старый семейный дом он давно не считал своим. И ничего удивительного, что в ту ночь он так и не приехал, понимая: осуждающих взглядов Виктории он не выдержит, сорвется, напугает дочь – единственное существо, которое хотя бы пыталось его любить и которое он пытался любить в ответ.

Ланна доконал всплеск преступности: страну, готовившуюся выбирать президента, лихорадило. Он ног под собой не чуял и не желал видеть никого, тем более обиженную бывшую супругу. Лучше было немного расстроить Аннет, чем совсем испортить ей Рождество. Мамато найдет, как его скрасить.

– Вороненок, не сердись. – Он постарался смягчиться. – Завтра найдешь под елкой подарок.

Книги, много-много книг из лучшего магазина – весь длинный список, который Аннет составила за год. Она обожала книги и, прежде чем читать, нюхала их страницы, становясь похожей на маленького зверька. Родное зрелище, но в этом году даже при мысли о нем тошнило. Чертовы подарки были просто откупом.

Конечно, Аннет простила, она всегда прощала. Рихард прямиком отправился домой, Рождество он провел в обществе бутылки виски, отключился, выпив лишь половину. А под утро был тот звонок. Ланн с трудом нашарил трубку и все никак не мог понять, что случилось.

– Она убивает меня...

– Кто?..

– Девчонка... помоги...

Жена. Хрипела, кашляла, и он почти видел: трубка ходит в руках ходуном.

– Виктория, что за... ты пьяна?

– Помоги! – Голос прыгал, точно воздух то попадал в легкие, то не находил туда дороги. – Я чувствую. Я...

Тишина. Напрасно Ланн звал жену. А потом...

– Папа...

– Аннет? Что у вас случилось?

Молчание.

– Аннет, что с мамой?

– Прощай.

Гудки. На секунду Рихарду показалось, сердце сейчас остановится. Ждать, случится это или нет, он не стал, набрал сначала «скорую», потом вызвал пару своих ребят. Мельком глянул на часы: 5:27 утра.

Больше он никогда не видел свою дочь.

* * *

Рихард вздрогнул и потер лоб. Столько прошло, а он каждый раз просыпался в поту. Конечно, это из-за забытых вопросов. Ненайденных ответов. И угрызений совести, куда же без них? Приехал бы – ничего бы не случилось. Или его девочка убила бы и его тоже? Нет. Он сколько угодно может ловить «крысят», но не будет *так* думать про Аннет, а значит, не будет думать вообще. У него огромный чулан со скелетами воспоминаний, пусть это останется там же.

С некоторым усилием Рихард встал с дивана и уже собирался поставить чайник, когда позвонили в дверь. Ланн, мысленно проклиная весь свет, вышел в коридор и, как обычно не заглядывая в глазок, отодвинул засов. Кто бы ни пришел, Ланн его в случае чего заломает. Всякое бывало.

– Привет, Ричи.

Ее заламывать не было необходимости. *Госпожа Президент*. В руке она держала сумку, из которой торчала палка колбасы. Да, определенно, пришла с миром. Рихард усмехнулся:

– Здравствуй, Труда. Ты по-прежнему уверена, что я голодаю?

Она окинула его взглядом: от голого торса – по дому он всегда ходил только в старых джинсах – до пальцев босых ног.

– Судя по тому, что ты по-прежнему не разжирел, я не далека от истины. Пустишь?

– А родина? – хмыкнул он, в свою очередь оглядывая дорогой костюм и безукоризненную прическу, никак не желавшие сочетаться с дешевой продуктовой сумкой.

Гертруда Шенн сделала шаг, оттеснила его бедром и вскинула брови.

– Родина подождет. Президент устал.

И это она говорила всегда, когда никто не слышал и когда следовать за ней не могла даже охрана.

Карл знал Гертруду Шенн почти сорок лет – с младшей школы. Она была его лучшим другом – в классе, в университете, в полиции. Потом был недолгий период абсолютного счастья: они одновременно влюбились, завели детей, стали дружить семьями. Все должно было так и остаться, но пошло под откос. Об этом Ланн вспоминать тоже не любил.

Потом Труда ушла в политику. Рихард толком не знал, какими дорогами она поднялась так быстро, но догадывался, с чего начинала: она всегда была красивой. И дьявольски умной, поэтому Ланн уважал ее – не так легко ведь проделать путь от домохозяйки до президента. А она проделала, хоть и осталась в итоге на руинах. Впрочем, на руинах они теперь были вместе. *Трое из четверых*.

И с давних времен Рихард с Трудой, встречаясь, пили пиво и ели бутерброды или еще что-то столь же дешевое. Менялось время, менялись любовники Труды, прибавлялось седины у Рихарда... но это оставалось. Вот и сейчас он сидел за столом, наблюдая за ножом в ее руках. И думал о том, что он единственный в стране, кому Госпожа Президент специально нарезает колбасу такими толстыми ломтями.

– Как работа? – Она улыбнулась.

– Ничего. – Он начал открывать бутылки пива. – Бывало хуже. А... твоя?

– Сам видишь. – Звучало безнадежно. – Я на ней сдохну.

Она разложила горку бутербродов прямо на широкой деревянной доске и села напротив Рихарда. Он протянул руку и накрыл ее запястье своим.

– Нет, старушка. Не допущу.

Она рассмеялась и отпила пива, со вздохом заглянула в горлышко бутылки, точно ожидая увидеть там решение своих и общегосударственных проблем, а затем медленно начала, подаваясь вперед:

– Рихард, есть новость. Служба разведки мне кое-что сообщила...

– У тебя все еще есть служба разведки? Не все скопытились?

Она откусила сразу полбутерброда, некоторое время жевала, осуждающе глядя в упор, и наконец гордо произнесла:

– У каждого президента есть служба разведки. Так вот. Наши западные друзья засылают шпиона. Точнее, собираются. В ближайшее время. Позывной – Красная Гроза. Я примерно знаю и суть его плана, но план... откровенно смешон, так что гадаю, не дезинформация ли.

– Красная, говоришь? – Заинтересованный Рихард отставил бутылку. – В таком случае ты уверена, что друзья *западные*?

– Более чем. Но ты верно угадал, поговаривают, был у него период работы на самые разные режимы. Но сейчас – одни звезды и полосы.

Гертруда говорила без тревоги. Впрочем, она и не одного шпиона повидала. От страны отвернулся мир, но миру по-прежнему было иногда любопытно сунуть нос в чужие дела и, возможно, что-то с этих дел поиметь, тем более, когда президент – женщина. Слабая женщина, ха.

– И ты желаешь, чтобы я отследил его появление и застрелил раньше, чем он что-то разнюхает? – уточнил Ланн. – Для этого у тебя есть служба разведки.

– Нет, Рихард. – Она усмехнулась. – Я хочу, чтобы этот человек попробовал сделать именно то, для чего его и отправляют. Попался мне. Он должен *приручить* меня. А я хочу приручить его.

– Дальновидно. – Рихард, немного успокоившись, одобрительно улыбнулся. – Свой чужой шпион никогда не помешает. Когда ожидается гость?

– Скоро. Но пока забудь о нем. Это тебе так, информация на опережение.

Она отодвинула доску и, положив руки на стол, устроила на них подбородок. Взгляд светлых глаз быстро обежал тесную кухню.

– У тебя одиноко, Рихард. Как ты тут живешь? Заведи себе кого-нибудь. Девушку, – на лице появилась хитрая улыбка, – или хоть собаку.

– Не надо, – отрубил Ланн.

Изящные брови приподнялись, потом Труда снова улыбнулась.

– А ты не меняешься. Мой большой злой волк. – Она встала, отошла к окну и, обернувшись через плечо, спросила: – Как там Карл? Привык к нему? А он к тебе? Не обижаешь?

Рихард потянулся за сигаретами. Ответить было нечего, кроме «Нормально». За ним по-прежнему наблюдали, и он неохотно добавил:

– Он сильнее, чем я думал.

– Что ты имеешь в виду?..

Рихард усмехнулся. Слова подразумевали слишком многое. Слова – как и принятие их смысла – дробились в десятках осколков. Некоторые были предельно простыми.

Осколок первый

– И как ты ухитряешься...

Десятка. Несколько подряд. Не было таких мишеней – неважно, подвижных или нет, – чтобы Ларкрайт промазал. И даже руки не дрожали.

– Я же говорил. В нашей части была отличная подготовка.

Не признаваться же, что он думал, будто Карл отсиделся в штабе с бумажками, что лицо у него как у богатого сына, что его ветром сдувает, какие там нормативы? Оставалось промолчать и закурить.

– Ну и к чему же вас так готовили?

Снова острый блеск глаз. Короткое движение – очки исчезли в кармане.

– К войне, герр Ланн.

Что ж. Попал, куда надо. Посмотрим, сколько выдержишь.

* * *

Гертруда вернулась к столу. Что-то насторожило ее и, в общем-то, не зря. Остановившись, она наклонилась к лицу Рихарда и вкрадчиво прошептала:

– Я люблю тебя. Но если я узнаю, что...

– О чем ты? – ровно перебил он.

Она выпрямилась.

– Людей не спасают из огня, чтобы потом издеваться над ними. Чтобы устраивать им всякие испытания. Чтобы *ломать* их. А я знаю, как ты умеешь последнее. Ричи, не забывай, к нему у меня особое отношение. Ты ведь помнишь, кем был его отец.

Рихард помнил: правозащитник, всегда кого-то спасал. У Йозефа Ларкрайта на старых снимках тоже было тонкое интеллигентное лицо, узкие плечи, очки. Он не размахивал кулаками, но почему-то в какой-то момент люди, меняющие власть, сочли его столь опасным, что убили – без суда, скандал на всю Европу. И эта история чуть не повторилась с сыном. С сыном, которого Рихард теперь пытался опекать.

Он не сомневался: мальчишка будет таскать бумаги. Да что он сможет? Журналисты из братии недобитых гуманистов – чахлые изнеженные твари, которые слабо представляют, с какой стороны пистолет стреляет. На кой черт такой человек в Надзорном управлении? Чтобы завтра же зарыть?

Но ведь взял. Заставило странное чувство, не дружеское, не отеческое, скорее... как к дворняге. Карл и этот город не поладили, а у Рихарда была привычка – брать кого-то под крыло. Не особенно привязываться, зачастую вообще не привязываться, но брать. И пусть крыло побито и слабо может от чего-то укрыть.

– Так вот, – напирала Гертруда, видимо, встревоженная его мрачностью, – если с ним что-то случится по твоей вине или по чьей-либо еще, а ты не помешаешь... я убью тебя. Припомню все нарушения устава, которые ты допускал, накопится на расстрел. После этого я продолжу тебя любить, но тебе уже будет все равно.

Звучало устрашающе, имело почву. Но все-таки это говорила она. Его старушка. Нет, его девочка. Его злая-злая девочка. И все это он слышал уже неоднократно.

Осколок второй

– Ты придираешься к нему, даже не по работе. Это неправильно, он ангел.

Ей сразу понравился Карл. Не то «понравился», после которого она могла потащить его в постель, но и материнским чувством не назовешь. Трудно наблюдала, возможно, сама прослушивала телефон инспектора, а у нее это был знак высшей заботы.

– Ангел... по-твоему, нам нужны ангелы?

Холодный, пахнувший каким-то кремом палец коснулся губ Рихарда.

– Перестань. Вы же сработались. Я тебя знаю, у тебя никто не задерживался. Он ни разу не дал тебе в челюсть, Ричи!

– Он в меру упрям и у него есть мозги.

Мотор машины уже негромко урчал. Гертруда посмотрела поверх стекла.

– А ты – не в меру. Будь помягче. Подумай, что, если будет нужно, он умрет, прикрывая тебя. Много у вас таких?

Рихард ощутил колючий озноб и поднял воротник.

– Да брось. Я сам раньше откину копыта. С прикрытой спиной или без.

Гертруда негромко рассмеялась и, приподнявшись, дернула его к себе. Поцеловала в губы, удержала, отпустила, заботливым движением застегнув верхнюю пуговицу форменного плаща.

– Пожалуйста, живите оба. Кто-то же должен стоять на страже.

И машина уехала. Рихард обернулся. Карл стоял в десятке шагов, у стены, и ждал, пока разговор закончится. В волосах белел крупный неприветливый снег.

– Она красивая...

Он произнес это с таким детским восхищением, что Рихард напомнил:

– Не твоего поля.

Карл передернул плечами и спрятал руки в рукава.

– Я не *в этом плане*, комиссар. Мне просто казалось, такие живут где-то в...

– Сказках? – с неожиданным для него самого пониманием мягко закончил Рихард.

– Да. Помните, например, «Снежную королеву»?

Ланн хмыкнул, подумывая, не закурить ли, но поленился вынимать руки из карманов и, поглядев на инспектора искоса, сообщил:

– Она, между прочим, любимая у Труды. Хотя, по-моему, сказки – чужь.

Невольно он вспомнил, что из всех идиотских историй больше всего любила Аннет. Повесть Отфрида Пройслера о Маленькой Колдунье. Книжку Аннет так часто подсовывала Рихарду вечером, что он даже запомнил автора. А ей нравился прокуренный голос, читающий об очень плохой... или очень хорошей ведьме и умном вороне.

– Сказки учат хотя бы тому, что некоторые истории заканчиваются хорошо.

– Не наша – это точно.

Вряд ли существует что-то хуже сказки, к которой невозможно придумать хороший конец. Аннет наверняка считала именно так. Как и большинство детей, да и взрослых.

– Вы же еще не знаете ее конца.

Как там сказала Труда? Быть помягче? С такими-то рассуждениями? Снег усилился, ветер задул резче. Наблюдая, как Карл ловит размотавшийся шарф, Рихард пренебрежительно фыркнул.

– Я его чую.

– Вы невозможны.

Он все же вынул из кармана руку и вовремя схватил инспектора за плечо, не давая растянуться на льду.

– Вне всякого сомнения. И мне невозможно хочется выпить чего-то горячего. Идем.

Инспектор улыбнулся. Дальше они шли плечом к плечу.

* * *

Рихард опять вздохнул.

– Не горячись. Я стараюсь. Просто с ним... тяжело.

Тяжело. Потому что Труды, черт возьми, не зря помнит его отца. Потому что с Карлом то же: снаружи – деловитая серьезность, что-то доброе и мирное. Ровный голос, хорошие манеры – ей-богу, как у навороченного человекобота, в лучших традициях фантастики. Внутри – сталь. Чистая сталь, рядом с которой Рихард иногда чувствовал себя безнадежно *ржавым*. Да.

У Карла это наследственное. Почти династия недобитых рыцарей. Или ангелов. Или... как там говорят... андроидов?

Гертруда долго смотрела сверху вниз, потом опустила голову.

– Какой ты все-таки дурак.

– Может быть. Но за это не расстреливают.

Труда кивнула. Они заговорили по новой о Красной Грозе, о «крысятах», о чем угодно. Рихард мысленно проклинал старую подругу: опять парой фраз загнала в пропасть. И она, вся погруженная в свои президентские дела, не догадывалась: стоит захлопнуться двери, как воспоминания окончательно его придавят.

Маленькая разбойница [Квартира Карла Ларкрайта]

Можно сказать, пробуждение было приятным. Давно я не просыпалась в кровати, на подушке, под одеялом. Правда, ныла челюсть. Но остальное не болело. Кто-то даже обработал мои ссадины.

На улице по-прежнему стояла темень, времени могло быть как десять вечера, так и шесть утра. Хотелось верить, что все же десять. Может, Карл Ларккрайт тогда не выгонит меня сразу?

Я слабо помнила, что произошло, когда я почти потеряла сознание. Джина с Леоном меня все же догнали и собрались куда-то волочить. Потом на Джину прыгнула здоровенная собака, точнее, собака лишь показалась мне огромной, а потом я узнала Спайка, сеттера инспектора Ларккрайта. Но я и подумать не могла, что он сам появится из-за угла, будет вооружен и вступится. Потом он нес меня на руках, а уже в темной душной комнате его пес лизал мне лицо. На этом поток образов обрывался.

Я села, свесив ноги с кровати. Помещение было маленьким, почти чулан. Из-под двери пробивался свет: в другой комнате работал телевизор. Стрельба, мужские голоса... Инспектор Ларккрайт наверняка любит гангстерские фильмы. Надо было выйти, сказать спасибо, да и вообще показать, что я жива.

Я осторожно открыла дверь и оглядела комнату – более просторную, но так же скудно обставленную: шкаф, стеллаж с книжками, огрызок ковра, на котором спал пес, и большой старый диван. В телевизоре действительно стреляли, бегали и целовались. Я приблизилась к дивану, где сидел, поджав ноги, инспектор, и осторожно опустилась на край.

– Ну... здравствуйте.

Я прикрывала рот рукой, мне не хотелось, чтобы он брезгливо отодвигался. Но он улыбнулся и ответил:

– Привет, Вэрди. Полегче?

– Да, спасибо. – Я устроилась удобнее и стала рассматривать инспектора, растрепанного, помятого и с синяком на скуле. Заметив синяк, я спросила: – Леон?

– Ерунда. Эти двое боятся огнестрела, поэтому драться врукопашную пришлось не так долго.

– Да, они не пользуются оружием. Потому что кто-то хочет ловить нас живыми.

– Кто? – насторожился инспектор.

– Не знаю, эта сучка так сказала, – произнесла я, имея в виду Джину.

Он, видимо, хотел сделать мне замечание за такие словечки, но передумал, уставился в телевизор. А я вдруг подумала: да плевать ему, что на экране. Он просто пытается спрятаться. От меня? От себя?

– Как вы меня нашли? – отвлекаясь, любопытствовала я.

– Привидение привело, – сообщил он с той интонацией, с которой мог бы сказать «Да случайно». – Старая дама в синем. Это было... странно.

У него, похоже, стальные нервы: я-то чуть не свалилась в обморок, впервые увидев духа. К невольному восхищению инспектором прибавилась теплая благодарность Карвен: волновалась, почуяла, что со мной беда. От мысли я улыбнулась, но тут же спешно пообещала:

– Я сейчас уйду, вы не думайте, и... я не заразная, не бойтесь.

Он с недоумением повернулся ко мне.

– О чем ты? Утром безопаснее. И поверь, мне ли не знать, что все вы здоровы. Чувствуй себя как дома.

– Правда можно? – удивленно подняла брови я.

– Конечно. Не бойся.

Гангстер на экране пропел какую-то тягучую фразу и открыл огонь по толпе полицейских. Я вспомнила, как пара знакомых ребят из другой стаи, той, у которой оружия было много, однажды сделали примерно так же на центральной улице. Это показалось мне жутким в тот день, а теперь – еще жутче. Я не любила полицейских, особенно Ланна, но никогда не считала, что их надо убивать за то, что они нас арестовывают. И тем более не могла так считать теперь, когда Карл Ларкрайт зачем-то меня выручил.

– Может, вы есть хотите? Могу что-нибудь приготовить, если у вас в холодильнике что-то найдется.

– Что-то наверняка есть, – усмехнулся он. – Но я не хочу. А ты бери что угодно.

На кухне, почти такой же тесной, как вторая комната, я провела минут пять: сделала себе бутерброды, кажется, впервые за пять последних лет на белом хлебе, с настоящей колбасой и сыром. Потом вскипятила чайник и заварила чай. Снова пройдя в большую комнату, я протянула инспектору чашку.

– У вас замученный вид. Хотя бы попейте.

– Спасибо. – Он глянул с удивлением, но чашку взял. В глаза бросились старые ожоги на запястье. Они были и на шее, и на виске. Как много... оставалось надеяться, что Ланн не тушит об него сигареты.

Я еще раз сходила на кухню, принесла бутерброды и кружку себе и опять опустилась на диван. Фильм продолжался. Только сейчас я подумала, что в последний раз видела вблизи телик бог знает когда. Отец тоже любил кино с перестрелками, а я обычно смотрела мультики, хотя как сказать, обычно, их ведь редко показывали. А сейчас, наверное, вообще не показывают – зачем они в стране без детей?

Инспектор словно прочел мои мысли: взяв пульт, переключил канал, по экрану забегали нарисованные звери. Я начала разглядывать их – крот, мышь и какой-то невразумительный еж носились по лесу под радостную мелодию. Слишком радостную.

– Давайте обратно, – негромко попросила я. – Вы не любите мультики, а я из них выросла.

Он вернул на экран гангстеров, и я занялась бутербродами. Краем глаза я заметила: инспектор что-то ищет в громоздком мобильном телефоне. Некоторое время я сдерживалась, потом осторожно придвинулась и взглянула на светящийся зеленым экран. Темнели буквы эсэмэски: «*Как ты?*».

– Родители? – поинтересовалась было я, но осеклась, различив над сообщением еще одну надпись: «Отправитель: Рихард Ланн». – О... Не подумала бы, что он о ком-то переживает.

Но меня не слышали. Почему-то мне не хотелось гадать, о чем инспектор думает и сколько в мыслях тоски. На сообщение он отвечать не спешил, этого было достаточно.

– Ты сказала что-то?

– Нет, мысли вслух.

– Мысли?..

И я все-таки решилась.

– Это здорово, когда за тебя хоть кто-то волнуется. Даже мерзкий полицейский. Вы... сирота?

Ларкрайт отпил чая, сосредоточенно смотря в экран. Ответ был вполне очевиден, и зря я полезла, зря открыла рот. Чувствуя себя крайне неловко, я допила чай и поднялась на ноги.

– Ладно. Я посплю еще несколько часов и уйду. А то за меня будут беспокоиться.

Может быть. Хоть кто-нибудь. Хотя бы Карвен.

Инспектор покачал головой.

– Утром я поеду на работу. Выйдешь со мной, я должен быть уверен, что с тобой ничего не случилось. Если попробуешь убежать ночью, Спайк тебя не выпустит. Будет лаять полночи. Но лучше не буди меня, я устал. Все поняла?

Я подумала и сдалась.

– Как скажете, герр Ларкرایт. Спокойной ночи.

– Спокойной, Вэрди. – Он сделал телевизор тише. И опять взял телефон.

Я вернулась в маленькую комнату и легла, закуталась в одеяло. Для меня это было странно: в поезде я обычно заворачивалась в драное покрывало, как в спальный мешок, и накрывалась по самую макушку, чтобы скорее уснуть и не успеть замерзнуть. А здесь можно было растянуться. Почувствовать всем телом чистый матрас. А утром я обязательно приму душ, потому что мыться нагретой водой из озера невозможно.

На этой прозаической мысли я уснула.

Инспектор [Квартира Карла Ларкрайта]

Утром он чувствовал себя разбитым, правда, скорее морально, чем физически. Зато синяк на скуле совершенно не беспокоил, как не беспокоило и обещание Джини: «Найду тебя и выпотрошу, дохляк!» От воспоминания о бегстве Котов Ларккрайт усмехнулся и пожалел, что не всадил им в спины по пуле.

В тишине Карл изучал потолок, уже начиная размышлять, что скажет Рихарду, если тот о чем-то догадается. Стычка с убийцами. Спасение «крысенка». Казалось бы, что такого в этих поступках для полицейского, да вот только...

«Не лезь никуда в одиночку. Никогда. Я видел, к чему это приводит, что бы ты из себя ни изображал».

И это вчерашнее тревожное «*Как ты?*». Ланн не мог оставить его даже на день. А хуже всего, что на самом деле у Рихарда были причины для такого отношения.

Грохот посуды заставил вздрогнуть и рывком сесть. Спайк вскочил, потянув носом воздух, побрел к двери в коридор и, подойдя, начал скрести поверхность лапой. Девчонка. За несколько часов сна Ларккрайт забыл о ней. А сейчас она ухитрилась проскользнуть мимо и, – судя по запаху, – хозяйничала на кухне. Карл потер лоб, стоня остатки сна. Поднялся и, пройдя через комнату, открыл дверь – пес тут же рванул в коридор. Вэрди приветствовала его радостным, совершенно детским воплем.

Когда минут через пятнадцать сам Карл, уже одетый и чувствующий себя бодрее, зашел на кухню, Вэрди расставляла на столе тарелки с яичницей и чашки, в которых дымился черный кофе. Подняв глаза, она робко уточнила:

- Надеюсь, вы не против? Я в последний раз готовила на плите лет... много назад.
- Конечно, что ты. – Карл улыбнулся. – Спасибо. Как спала?

Вэрди вздохнула и протянула ему вилку.

- Хорошо. Так мягко и так тихо... ну, в общем, здорово.

Она опустила взгляд, начала ковыряться в тарелке. Яичница получилась вкусная, но девочка, казалось, не хотела есть. Карл наблюдал, примерно догадываясь, о чем именно думает гостя, но не решался с ней снова заговаривать. Наконец он все же спросил:

- Как ты живешь... там?

Она отпила кофе и, подумав, коротко ответила:

- Нормально. Привыкла. Только холодно.
- Может, тебе что-нибудь нужно? – испытывая смущение, все же поинтересовался Ларккрайт. – Вещи, или еда, или лекарства... а может, деньги? Я могу тебе помочь, я...
- У нас все есть, спасибо. Справляемся.

Вэрди посмотрела прямо ему в глаза – хмуро, серьезно. Она была очень красивой, и Ларккрайт невольно любовался: голубые глаза, выразительные губы, тонкие черты. Любовался, но куда сильнее – жалел.

- Слушай, Вэрди...

- Да, герр Ларккрайт? – В тоне был тот же холод, что и в глубине глаз.

- Если хочешь, ты можешь... остаться.

Темные брови удивленно поднялись. Карл обхватил ладонями чашку.

- На сколько захочешь. Я отдам тебе вторую комнату. Правда, придется прятать тебя от хозяйки, но...

Девочка смотрела с прежним непониманием. Потом губы скривились в нервной усмешке, и Карл, догадавшись, что ее вызвало, покраснел и поспешно продолжил:

- Не думай, я не хочу... то есть я не собираюсь делать с тобой что-то...

– О чем вы? – вяло поинтересовалась Вэрди, отодвигая тарелку.

– Ты знаешь. – Теперь настала очередь Карла опустить взгляд.

– Нет, не знаю. – Она потеряла висок и вдруг расхохоталась: – А... вы хотите сказать, что мне не придется с вами за это спать?

Осталось лишь кивнуть. Вэрди продолжала хохотать, почесывая подошедшего Спайка за ухом. Пес прикрыл глаза, лишь изредка посматривая на Карла, – будто с осуждением. Наконец, отсмеявшись, Вэрди тяжело вздохнула.

– Спасибо, но нет. Вы добрый, я не хочу, чтобы вы рисковали. Репутацией, здоровьем... плевать. У вас все это хотя бы есть, у меня нет. Давайте я не буду это у вас отбирать.

Ларкрайт поставил локти на стол и подался вперед, стараясь, чтобы слова звучали убедительно:

– По улицам опасно ходить таким, как ты, Вэрди. Особенно теперь. Я не хочу, чтобы то, что случилось вчера...

– Я буду осторожнее, – оборвала его девочка. – Я смогу. Я вожак. Мне надо защищать стаю.

– Но...

– У меня есть ответственность, герр Ларкрайт. – Голос звучал непреклонно. – Как и у вас. И давайте каждый останется при своем. Не нужно делать и думать всяких глупостей.

Карл вздохнул. Он чувствовал, с каким трудом Вэрди даются слова. Она *хотела* остаться – в нищей, но теплой квартире, хотя бы под минимальной защитой. Она *хотела* высыпаться, регулярно мыться и отвечать только за себя. Все это было написано на лице, но там же было написано, что ее не переубедить. По крайней мере, сейчас.

...Вэрди позволила дойти с ней до лесополосы и заграждений, возвещавших об опасной зоне. Здесь они остановились. Девочка потрепала по макушке Спайка, потом улыбнулась Карлу.

– Спасибо за все. Меня никогда не спасали. И уж точно не звали к себе жить.

Карл, чувствуя резкие порывы ветра, поднял воротник.

– Ты всегда можешь вернуться. Помни. – Он протянул ей лист из блокнота. – Мой номер. Звони, если...

Она быстро скомкала бумажку и спрятала в карман.

– Хорошо, буду знать.

Не позвонит. И не потому, что у нее нет телефона, для этого, в конце концов, есть городские автоматы.

– Обязательно. Я тебе помогу. Обещаешь?

– Обещаю.

Она держала руки за спиной, Ларкрайт не сомневался, что пальцы скрещены.

– Береги себя.

Она сделала шаг навстречу и обняла его:

– И вы тоже.

Девочка в красной толстовке отстранилась, не позволив обнять себя в ответ, и направилась вдоль железной дороги вперед.

Комиссар [Надзорное управление]

Не оборачиваться, не сдаваться *надали*. Уже не в первый раз Ланн давал себе такое обещание: по его следу шло слишком много воспоминаний, готовых ожить от мимолетного соприкосновения с реальностью. Запах, звук, слово. Пробудить память могло что угодно, тогда она грызла долго. Иногда, чтобы вонзить зубы, ей достаточно было, чтобы Ланн погрузился в сон.

Сегодня же в кабинет прокрался запах с улицы. Простой, прозаичный запах. Кто-то сжигал мусор.

Осколок третий

Он возвращался ночью. Хотелось одного – лечь и уснуть без мыслей о дочери. Их не прогнала даже выпивка.

В воздухе чувствовалась зима. Рождество близилось, и жаль, оно больше не считалось праздником, а стало точкой отсчета. Забавно... когда-то с Рождества началась эра новой религии. Теперь – эра смерти.

Рихард прикрыл глаза и покачнулся. Он не туда свернул, его занесло на полузаброшенную окраину. Здесь не водилось даже собак и кошек, все умерло вместе с детским смехом. Ланн привалился к стене гаража, переводя дух, прежде чем идти дальше. Здесь он и услышал тихий звук двигателя.

Машина остановилась метрах в двадцати. Выглянув из-за угла, Ланн мог видеть, как из нее выходят трое в неприметной одежде. Один нес канистру, двое выволакивали что-то с заднего сидения. Рихард смог различить человеческую фигуру. Этот четвертый был без сознания; лицо закрывали патлы слипшихся – видимо, от крови, – волос.

Неосторожное движение – на асфальт упали очки. Один из незнакомцев выругался, подобрал их и спрятал в карман. Вся процессия направилась к раздолбанной двери ближнего дома. Рихард подождал. Он примерно догадывался, что времени незнакомцам потребуется немного. Скорее всего, они не станут поджигать тело, опасаясь криков, а ограничатся тем, что подожгут дом.

Рихард вынул из кобур на поясе два пистолета. Один был табельный – с зарегистрированным номером. Другой, с глушителем, не принадлежал никому, по крайней мере, официально. И даже с затуманенным рассудком Ланн помнил, из какого стрелять. Взводя курок, он с удовлетворением ощущал: рука не дрожит. В воздухе уже расплзался запах гари. Ланн неторопливо направился к двери.

Ему было плевать, кого он убивал: преступников или борцов за справедливость, решивших расправиться с преступником. Методы были одинаково грязными, исход один – три трупа: два лежали на проходе, один остался в задымленном коридоре. Ланн втоптал два тела внутрь, перешагнул через третье и, прикрывая лицо от дыма, направился к ближайшей комнате. Там пламя пылало ярче всего.

Жертва – темноволосый юноша – лежал в почти замкнувшемся кольце огня, бросавшего на разбитое лицо тени и уже подобравшегося к окровавленной рубашке. Рихард приблизился, коснулся шеи незнакомца, ощутил слабую пульсацию крови. Что ж, кем бы ты ни был, сегодня у тебя хороший день. Ланн подхватил недвижимое тело и поднялся. Кольцо огня успело замкнуться. Рихард, по возможности прикрывая юношу собой, сделал первый шаг сквозь дым.

На улице он жадно вдохнул воздух, опустил спасенного на асфальт и осмотрелся: никого, лишь пустая машина. Нужно бы вызывать пожарных, иначе запылает весь мертвый квартал... но не сейчас.

Обожженные руки болели, плащ обуглился. Но пульс юноши все еще бился. Приятное лицо было... знакомым? Да, Ланн вспомнил, где видел его раньше, – в газете недельной давности. Оппозиционный журналист. Карл Ларккрайт. Осознав это, Рихард примерно догадался, чьих людей убил, и усмехнулся: пусть окружавшие Трудю ублюдки знают, что дела надо делать чисто.

Рихард начал расстегивать пуговицы на рубашке журналиста, облегчая тому дыхание. Непрямой массаж сердца он в последний раз делал лет десять назад, может, больше... и ему казалось, что движения слишком грубые для худой грудной клетки.

– Надеюсь, я тебя не угробил, – прошептал Ланн, снова всматриваясь в лицо.

Ресницы дрогнули. Юноша со стоном открыл глаза. Не дожидаясь вопросов, Рихард приветствовал его:

– Комиссар Ланн, криминальная полиция. Кстати. – Он помог Ларккрайту приподняться и указал на дом. – Попрощайся с друзьями.

Улыбка тронула разбитые губы.

– Спасибо...

...Пришлось тащить его домой: Карл боялся появляться в госпиталях, не зря. Полночи Рихард возился с ожогами, гематомами и ссадинами. Он не сомневался: есть и сотрясение, Ларккрайт трижды терял сознание и каждый раз, когда это происходило, крепко цеплялся за чужую руку.

Иногда, начиная бредить, Карл звал кого-то; позже Ланн понял: отца. Тогда же он просто прикладывал ко лбу компресс и заставлял глотать то обезболивающее, то снотворное. В конце концов Карл уснул. Рихард отключился рядом, на полу, впрочем, второй кровати у него все равно не было. Когда он очнулся, в комнату пробивалось солнце. Ларккрайт лежал и смотрел вверх остановившимся взглядом. Ланн встревожился, уже начиная думать, что делать с трупом. Но выразительные черты лица журналиста дрогнули.

– Значит, мне не показалось. Это были вы. Вы...

Он с трудом поднял ладонь к лицу. На запястье виднелся кровоподтек: кисти связывали. Отведя прядь со лба, Карл продолжил:

– Вы – комиссар Ланн. Верно?..

– Можно просто Рихард. – Он все глядел на изувеченное запястье. – А тебя-то как зовут?

Имя он знал, но это было принципиально важно: чтобы назвался сам. Настоящее имя – знак доверия. И того, что из знакомства вообще что-то может получиться.

– Карл Ларккрайт.

И хотя рука была обожжена и разбита, пожатие вышло неожиданно крепкое.

* * *

Было шумно. Кто-то собирался выезжать, кто-то вернулся. Плавали клубы дыма, слышался гомон. Это нравилось Ланну куда больше, чем ночное гробовое молчание. Не хватало лишь одного.

– Где инспектор Ларккрайт?

Рыжеволосая Мила Грюнберг, сидевшая ближе всех, неопределенно пожала плечами.

– Опаздывает. Сильно.

– Чтобы, как придет, быстро ко мне!

– Хорошо, герр Ланн.

Захлопнув дверь кабинета, Рихард первым делом начал просматривать сводки. Красная Гроза... имя не давало покоя. Каким образом он мог попасть в город? Произошло это или еще только произойдет? Ведь не плевое дело пересечь границу незамеченным, но если этот незнакомец действительно хорош...

– Доброе утро, герр Ланн.

Карл появился в дверном проеме – собранный, аккуратный, с расчесанными волосами. Невозмутимый, как обычно. Отчего-то Ланн почувствовал раздражение.

– Закрой дверь, – резче, чем сам того хотел, велел он.

Карл подчинился и приблизился. Рихард заметил на скуле успевший потемнеть синяк.

– Так... – произнес он тихо и довольно угрожающе, с удовлетворением видя в глубине глаз страх. – И чем же ты занимался ночью? Откуда это?

Ларкرایт сразу понял, о чем спрашивают.

– Ударился о дверь в вагоне.

Даже взгляда не отвел. Рихард усмехнулся и поймал себя на мысли: готов поверить, сейчас ненадолго сделает вид, что поверил. В конце концов, это его собственная вина, что Карл так скрытен. Почему же стало вдруг погано от привычного ровного тона и ясных глаз?

– Сочувствую... – Он поднялся из-за стола и пошел навстречу.

У Ларкرایта был усталый вид, он спал плохо, а может, вообще не спал. Теперь Рихард увидел и поджившую рану на губе, и сбитые костяшки пальцев. Карл не шевелился. Ланн еще раз обошел его по кругу и, приблизившись вплотную, остановился. Коснулся подбородка, оглядел синяк.

– Что случилось?

Он почувствовал, как Карл вздрогнул, и сжал плечо.

– Ну? Потом ты бил дверь еще и кулаками?

Ответом было упрямое молчание, но Рихард готов был подождать еще. Наконец Карл сдался.

– Я... вступился за одного из «крысят».

– И за кого же? – вкрадчиво полюбопытствовал Ланн.

– Я не знаю, он сбежал, как только я появился и отвлек их внимание.

– Их... кто эти они?

– *Коты.*

Ланн разжал руку и отступил. Ответ был слишком неприятным, даже для такого мерзкого дня. Конечно, ублюдки должны были рано или поздно вернуться, но почему сегодня?

– Какого черта... – Рихард развернулся к столу и взял сигареты.

– По всей вероятности, они на кого-то снова работают. Охотятся за «крысятами».

Карл мог этого и не произносить, все сходилось само. Разговор с Леонгардом был свеж в памяти, только никаких мер на случай, если ученый вот так просто объявит новую охоту, Рихард не предусмотрел. Единственной мыслью было пристрелить ублюдка, но, разумеется, так он поступить не мог, тем более бездоказательно. Родилось другое, более разумное решение. Раз вмешаться невозможно, надо подождать. Последить. А потом, приложив необходимые усилия, поймать с поличным. Это решит не только проблемы «крысят». Это поможет ему, Рихарду Ланну, примириться со множеством назойливых воспоминаний, и не ему одному. А пока... пусть доктор поохотится. Он не сможет вечно делать это незаметно.

Карл, вряд ли догадывающийся о его мыслях, прокашлялся.

– Не люблю приносить плохие новости.

Рихард, пытливо глядя в него, постарался улыбнуться.

– Они не так плохи. И мы что-нибудь с ними сделаем.

Маленькая разбойница [Восточная железнодорожная колея]

– Ну и кто виноват, что меня чуть не убили? Алан, какого черта?

Я была слишком зла, чтобы понижать голос, и сама слышала его будто со стороны – дребезжащий высокий ор маленькой девочки. Ал сильнее вжался в стену вагона.

– Я искал тебя, Вэрди! Но...

– Но прежде ты сунулся на *свалку*, верно? – Я сделала шаг навстречу, мимолетно оглянувшись. Вокруг собиралась толпа, даже Маару принесла нелегкая. – Что тебе там надо?

Ал отвел глаза. Пятиться ему было больше некуда: я прижала его к вагону.

– Так не поступают, Алан! – Тон я сменила, но уже оттого, что вообще заговорила, Ал сжал кулаки. – Меня могли убить и убили бы, если бы...

Я осеклась. Стае не стоило знать, где я провела ночь. Мы старались не светиться, и в это правило уж точно входил запрет ночевать в доме полицейского, а утром готовить ему завтрак. Придумала правила я.

– Да, кстати, Вэрди. – Ал очнулся. – А где ты была все это время?

Остальные пялились с любопытством, я медлила. Конечно, я была вожаком, не обязанным отчитываться, но все же.

– Коты гоняли меня по городу, когда я пошла тебя искать! – Вздернув подбородок, я окинула стаю взглядом. – Они вернулись. И думаю, Ал, Джина скучает по тебе. Очень скучает.

Слова прозвучали как сирена: все загомонили, многие побледнели. Стаю обуревала настоящая паника. Почти не было тех, кто не знали бы Джину и Леона. Видя ужас в чужих глазах, я испытывала мерзкое удовлетворение. Так им и надо. Я отступила от Алана и прошлась по увядшей траве.

– Советую быть осторожнее. И еще раз напоминаю. – Я глянула на Ала через плечо. – Мы не ворует без приказа. Следующий вор будет изгнан. Следующий, кто захочет в город, должен спросить моего разрешения. Наказание то же. Все поняли?

Ответом был нестройный и полный недовольства гул.

Я перевела дух. Стало легче, ровно пока не вспомнился утренний разговор с Ларкрайтом. То, что он предложил мне и от чего я отказалась, сейчас показалось невероятно желанным. Я могла уйти с железной дороги навсегда. Не голодать, не мерзнуть и не командовать. Я ведь не вожак, зачем вообще вожак этому сброду? Странно, что они не сожрали меня до сих пор. Что их пугает? Или вот так они уважают меня?

Чувствуя на глазах слезы, я закусила губу и спросила:

– Где Карвен?

Ал нерешительно указал в сторону первого вагона.

– У костра. Сегодня ее очередь готовить.

Он, кажется, боялся говорить со мной, так же, как я боялась поднять голову. Я с усилием поблагодарила:

– Спасибо, Ал. Помогу ей. А после обеда покажешь, что с изобретением. Ты ведь доработал его? Не просто же так ты сидел на заднице, вместо того чтобы действительно искать меня?

В глазах Алана зажегся робкий огонек надежды.

– А тебе правда интересно?

Мне не было интересно, но я кивнула и направилась вдоль насыпи к костру, где маячило несколько силуэтов. Карвен с младшими девочками сидела над большим чаном и чистила картошку: быстро и легко, кожа отходила тонкими спиральками. Карвен о чем-то думала, а может, говорила с кем-то невидимым. По крайней мере, она не заметила меня, тогда я, подойдя сзади, обняла ее.

– Спасибо, родная.

Рук разжимать не хотелось, но Карвен не любила нежностей. Поэтому я отлипла от нее и присела рядом, взяла картофелину. Начала срезать кожуру, чувствуя, как нож постоянно хочет вырваться из пальцев. Я никогда особо не умела делать такие кухонные дела.

– Как ты узнала, что я вляпалась? – спросила я совсем тихо, но Карвен услышала и, бросив очередную картофелину в чан, посмотрела на меня.

– Почувствовала. Все хорошо?

Я некоторое время медлила с ответом, потом вздохнула:

– Даже слишком. Инсп... – Поймав предостерегающий взгляд, брошенный в сторону наших маленьких помощниц, я поспешно осеклась: – добрый. И... не хотелось возвращаться.

Карвен взяла новую картофелину и начала вертеть, будто видела этот овощ впервые в жизни.

– Я правильно помню, что он работает с... комиссаром?..

– Личный помощник или что-то в этом духе. Сложные у них отношения.

– И как герр комиссар?..

Вопрос был неожиданным, в глазах я вдруг увидела тревогу – лишь на секунду, потом лицо снова стало сонным, отрешенным. Хм... может, Карвен чувствует, что Ланн готовит нам неприятности? Надеюсь, она нас хотя бы предупредит раньше, чем эти неприятности произойдут. Я пожала плечами.

– Думаю, прекрасно. А почему ты спрашиваешь?

– Так, ничего. – Картофелина полетела в котел. – А Коты... правда вернулись?

– Правда. Им кто-то платит за то, чтобы они ловили нас. Странно, правда?

– Странно, – отозвалась Карвен и замолкла.

Обед прошел гнетуще. Ребята почти не говорили, и нередко я ловила недружелюбные взгляды. Беспокойство усиливалось. Внезапно мелькнула мысль: а что если Коты найдут нашу «нору»? Ведь они не теряют времени зря, и если придется драться, рассчитывать не на что. Мы не Речные, у которых до сих пор осталось какое-то оружие и укрепленная база. Если бы мы могли объединиться с ними... Но нам нечего предложить взамен, а значит, шансов на их защиту нет.

Ребята ждали указаний и обнадеживающих слов. Но я не могла дать ни того, ни другого.

И все разошлись.

Инспектор [Надзорное управление]

Повезло: Рихард не догадался, кто именно ночевал у Карла в квартире. Уже выслушав рассказ об отчетах из архива, Ланн приблизился с встревоженным, мрачным видом и поинтересовался:

- Сильно досталось от Котов?
- Ничего серьезного.
- Ничего серьезного... это как в *тот* раз?

Пальцы легко коснулись старого ожога на шее. Карл не отдернулся, промолчал. Ланн выдвинул ящик стола и достал пузырек с йодом.

- Руки надо обработать, занесешь заразу. Давай помогу.

Пришлось согласиться. Рихард, смочив клочок ваты, начал прижимать его к ссадинам. Карл помнил эти обжигающие, неаккуратные прикосновения: в *тот* раз Ланну ведь тоже пришлось работать за врача, а он вряд ли часто оказывал кому-то медицинскую помощь. В отношении себя самого у него извечно работал принцип «Заживет как на собаке!».

- Почему ты не сделал этого сам дома? Тебе не восемь лет.
- Забыл, не было времени, – отозвался Ларкرایт. – Спасибо.

Ланн убрал йод. Карл хотел отойти, но его остановили, и он вновь насторожился.

– Надеюсь, ты не израсходовал ни одного служебного патрона? Оружие зарегистрировано на тебя, а мы не можем сейчас вступать в открытый конфликт и строить из себя мстителей.

- Мне не пришлось стрелять. Вида оружия им было достаточно.

– Хорошо... – Рихард прищурился, помедлил. – Видимо, надо объяснить тебе еще кое-что?

Тон – совершенно бесстрастный – Карл уже знал. Ну конечно. Все не могло обойтись.

- Да?

Он был готов и все равно мучительно скривился, зашипел сквозь зубы, когда пальцы впились в волосы. В глазах потемнело. Лицо Рихарда, искажившееся бешенством, расплылось.

– Еще раз попытаешься обмануть меня – убью, – пророкотало у уха. – Свяжешься с этими отродьями – убью. И не хватятся. Я взял тебя не для того, чтобы хоронить! Понял?

Стало тяжело дышать, в глазах потемнело повторно. Как и всегда, неожиданная боль после еще более неожиданной заботы была сильнее одной лишь боли. Но Карл шепнул, из последних сил собираясь.

- Да, герр Ланн. Я все понимаю.
- Хорошо. – Рихард выпустил его. – Пойми. Я отвечаю за тебя. Я...

Взгляды встретились. Рихард осекся, потом отчеканил:

- Вон.

Но выйти Ларкرایт не успел: дверь открылась, и на пороге появилась Мила с трубкой радиотелефона, в которой кто-то верещал. Инспектор Грюнберг доложила:

- Одна из... – небольшая пауза, – «нор»... там проблемы.

Проблемы. Первой, о ком Карл подумал, была Вэрди. Надо было настоять на своем, проводить...

Рихард вернулся к столу и начал перебирать какие-то бумаги.

- Пошли туда свободных ребят. Пусть разберутся.

– Разбираться... – Мила еще раз поднесла к уху трубку, из которой не доносилось ничего, кроме гудков, – уже не с чем. Звонок *сверху*. Требуют вас. Дело особой важности.

Ланна перекосило, но он справился с собой. Сгреб в стол бумаги, сунул в карман сигареты и кивнул.

– Как будет угодно их светлостям. Собирайтесь, герр Ларккрайт.

Вслед за Милой Карл вышел из кабинета и тут же попал под лавину звуков: кто-то спорил, кто-то говорил по второму телефону. Было накурено. Привычная рабочая атмосфера, ничего необычного... кажется. Правда, на него косились, впрочем не особо странно: все знали, что Рихард ни на кого так не орет, как на свою «правую руку». Наверняка и сегодня коллеги услышали что-нибудь интересное.

Застегивая мундир до горла и пряча пистолет в кобуру, Карл думал о Вэрди. Бросало в дрожь. Нет. С ней ничего не случилось. Она жива и здорова. Вот только эта формулировка...

Разбираться там уже не с чем.

Комиссар [База Речных]

Когда они вышли из машины, ветер буквально сшибал с ног. Рихард привычно поднял ворот, Карл тоже, и по раскисшей земле они направились вдоль Дуная, вяло несшего свои темные воды. База «крысят», которые в уголовных делах фигурировали как «Речная банда», располагалась дальше, вверх по течению, за рощей – на брошенном заводе по производству игрушек. Проехать туда было практически невозможно, даже на служебном внедорожнике Ланна. Зато другая машина, еще более мощная, справилась, – об этом свидетельствовали рытвины, оставленные шинами, и смятая, местами вырванная трава.

– Коты, – негромко произнес Карл. – И... думаю, уехали давно. Зачем мы здесь?

– Полагаю, Гертруда хочет, чтобы мы увидели *это* лично, – неопределенно ответил Рихард, ускоряя шаг. – Уверен, на месте уже работают.

Карл кивнул, не проронив ни слова. Он молчал всю дорогу и сейчас нервничал: озирался, спотыкался на ровном месте. Рихард уже собирался поинтересоваться, кто укусил его, но впереди замаячила ограда завода. Ланн был прав: их опередили. Несколько маневренных иностранных автомобилей, принадлежащих Управлению по особо важным делам, выстроились перед воротами. Водитель одной из них курил, привалившись к капоту. Он махнул рукой.

– Вас ждут.

Жест был исполнен ленивого превосходства, но Рихарда это не задело. Он привык, что типы из *этого* управления ставят себя выше других, даже мелкие шавки, сидящие за рулем. Сухо кивнув, он прошел к распахнутым воротам, переступил сорванный моток проволоки и огляделся.

Царил разгром. О том, что здесь кто-то обитал, напоминали лишь горы мусора – картофельных очистков, пустых бутылок, пакетов, ярких упаковок от конфет и игрушек. Глядя на все это, можно было подумать, что Речные живут неплохо. *Жили*. Кровь адела на траве. Пятен было достаточно, чтобы понять: без боя дети не сдались. Карл окликнул Рихарда и указал на стреляные гильзы, потом – на стоявший в углу запущенного двора заржавелый бронетранспортер. Ланн вдохнул.

– Не помогло.

– Герр Ланн, герр Ларкرایт!

Зов донесся от центрального корпуса, скалившегося провалами выбитых окон. На крыше сидели облупленные фанерные куклы и медвежата; когда-то они были чем-то вроде вывески. Ланн узнал и голос, и сопровождавшее его птичье чириканье, перевел взгляд на вход в здание и увидел высокий худой силуэт.

Сам начальник управления, Вильгельм Байерс, спешил навстречу – белые волосы, собранные в хвост, трепал ветер. Ланн усмехнулся: походка у Байерса была странная, шаткая, чем-то похожая на поступь цапли. Поравнявшись, он протянул жилистую руку, и Ланн с некоторой неохотой ее пожал.

– Внутри работают, а здесь все осмотрено. – Это прозвучало хрипло, Байерс прокашлялся. Под шарфом блеснул его привычный талисман, золотой фонарик на цепочке. – Отвратительная погода, Полли совсем замерз.

Его поддержали сердитым чириканьем. Маленький зеленый попугай высунулся из нагрудного кармана темного гражданского пальто и сверкнул глазами-бусинками. Ланн вздохнул. Ему с его старой закалкой было не понять причуды герра Байерса, но принимать приходилось. Вильгельма Рихард помнил еще «желторотым», на должности Карла. Отношения и служба тогда не сложились, но со временем парень преобразился. А вот одна деталь не менялась – противная птица с механическим крылом. Полли не говорил и вообще не отличался

умом, но Вильгельм иногда таскал попугая с собой – и будучи в рядовом составе полиции, и нося более высокие звания, и попав в фавор Гертруды. Байерсу было к тридцати пяти, в страну он приехал в двадцать. *Пограничный* возраст: парой лет меньше – мог бы стать «крысенком».

– Хорошо, что фрау Шенн позволила вызвать вас, – заговорил Байерс. – Мне хотелось бы поговорить о... *тех двоих*. Их монстр на колесах побывал тут. Плохой знак.

– А вы нашли... кого-нибудь? – негромко поинтересовался Рихард, глядя на здание. Он различал силуэты переходивших из помещения в помещение людей.

Байерс поморщился.

– Мертвых – трое. Два парня лет четырнадцати и девочка-пятилетка. У них проломлены черепа. Остальных мы не видели. Есть надежда, что ушли и...

– Нет, – неожиданно уверенно перебил Карл. – Их забрали. Живыми.

– Откуда информация? – Байерс прищурился.

Ланн покосился на инспектора и чуть заметно покачал головой: *рано*. Карл выкрутился:

– Не думаю, что им удалось бы уйти от тех двоих. Я с ними встречался и знаю, о чем говорю.

Распознать ложь было бы трудно. У Байерса и желания не нашлось: он, судя по хмуро опущенным серым глазам, погрузился в размышления. Ланн собирался окликнуть его, но он быстро очнулся сам.

– Еще хуже. Зачем дети могли понадобиться Котам?

Котам ли? Ланн молчал. Нет уж, пусть лучше *это* Байерс услышит от Труды; пока он ведь даже не знает, *что* связывает ее с Леонгардом. И уж где-где, а меж двумя жерновами Рихард оказываться не собирался.

Он пожал плечами и вынул из кармана сигареты.

– Все, что я знаю, – они снова охотятся. Больше ничего знать мне не положено. А вот вы, – он закурил, прикрыв огонек ладонью, – можете быть в курсе, кому выгодно избавиться от детей.

– Кому? – Байерс погладил попугая. – Всем. Даже нам: меньше крыс – меньше возни.

– Не забываетесь. – Карл разве что не прожег его взглядом. – Речь о людях.

– Все помнят, – осадил Ланн.

Гуманистическая болтовня была лишней: слова Байерса отдавали жалостью, а не злобой, и жалость горчила похуже осточертевшего курева. Ну как с таким жить? С мыкающей невесть где Аннет, с трупами среди игрушек, с трупами поживее на высоких постах, которые и занять больше некому?

Вильгельм проигнорировал и выпад, и тон Карла, лишь продолжил:

– Сейчас ни одна госструктура не занимается уничтожением «крысят», они и так в изоляции. Что касается лично меня, я хотел инициировать новые исследования и наконец доказать общественности, что дети здоровы.

– А вы уверены, что они здоровы? – вкрадчиво переспросил Рихард. – Поручитесь?

Байерс пытливым на него посмотрел: наверняка уловил надежду за скепсисом.

– Могу это только предполагать, исходя из статистики. Вспышек смертей было две, обе четырнадцать лет назад. Впоследствии их не случалось, частные случаи тоже редки. Детям носят вещи и еду, кто-то впускает их в дома – разве не знаете? Уж простите, не уверен, что *все* взрослые сторонятся «крысят». Я отказываюсь верить, потому что это... – Он поколебался, потом закончил: – жестоко.

– Да вы идеалист, герр Байерс, – хмыкнул Ланн, выдыхая очередную порцию дыма.

– Скорее оптимист. – Тонкие губы тронула улыбка, в этот искривления. – К тому же люблю детей.

– Тогда вам не по пути с...

Он одернул себя. Нет, ничего ему не известно об отношении Вильгельма к Труде. Помнится, когда впервые Рихард обнаружил в портмоне Байерса портрет Госпожи Президента и списал это на мальчишескую влюбленность, шел третий год Охоты. Сейчас этому парню, возможно, предстояло в скором времени занять пост министра внутренних дел, а ничего так и не изменилось. Как говорится, маленькая собачка...

– Что, простите?..

Чуть не сунул пальцы в розетку. Примерно такие последствия могли бы быть у любых слов об этой нелепой влюбленности.

– Не по пути с нашей страной, с детьми здесь проблемы, – нейтрально закончил он, снова затягиваясь. – Впрочем, вам знать лучше.

Попугай посмотрел на Рихарда, уцепился клювом за край кармана и вскоре вылез. Байерс подхватил его, пересаживая на плечо. Он избегал взгляда Ланна. Догадался о подтексте последней реплики?

– Я все знаю. Именно поэтому... – Полли потянул клювом за ухо Байерса, тот поморщился, – я сделаю все, чтобы *ее* указания были выполнены. Она не желает, чтобы гибли дети. Я открываю охоту на Котов. К вам у меня один вопрос. Вы на моей стороне?

Ланн усмехнулся и, спохватившись, спрятал усмешку за кашлем. Частенько ему казалось, что Байерсу не за тридцать, а шестнадцать – столько юношеского гонора. Впрочем, идея была не такой и дурной.

– Знаете, герр Байерс... других сторон нет, так что на полицию можете рассчитывать.

– Прекрасно. Тогда будем обмениваться сведениями и координировать действия, верно?

– Именно. – Рихард выбросил окурок и покосился на Карла. – Не удивлюсь, если на этом мы свободны. Ведь герр Байерс вызвал нас исключительно ради...

– Заключение военного союза, – улыбнулся Вильгельм. – Верно. И начать следует с усиления патрулей, особенно в ночное время. Открыто давать Кацев в розыск пока не стоит.

Потому что тот, кого вы, возможно, смените, не даст их арестовать. Этого Рихард тоже говорить не стал. Он помнил Готлиба Свайтенбаха: министр с самого Рождества настаивал, что «крысиное» поколение лучше просто вырезать, нежели изолировать, и принимал соответствующие меры. Вопросы как милосердия, так и международного престижа волновали его мало, куда больше – чтобы «новые дети», да и взрослые, не «заразились». У него были причины для подобного отношения: говорили, в ту ночь он потерял двух дочерей, у которых были маленькие сыновья; одна умерла прямо у него на руках. И все же ненависть его к «крысятам» была слишком радикальной. Гертруда мечтала сместить своего министра внутренних дел, но никого, способного и готового заменить его, не находила. До сегодняшнего дня, когда...

– Свайтенбах опасен, помните об этом, герр Ланн.

Лучше об этом помнить тебе, мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.